

Александр Грин

Дорога никуда

Александр Грин

Дорога никуда

«Public Domain»

1929

Грин А. С.

Дорога никуда / А. С. Грин — «Public Domain», 1929

Однажды на выставке Грина поразила гравюра английского художника. Она изображала дорогу, исчезающую за пустынным холмом, и называлась «Дорога никуда». Так возник замысел последнего и самого грустного романа писателя. © FantLab.ru

Содержание

Часть I	5
Глава I	5
Глава II	12
Глава III	23
Глава IV	26
Глава V	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Грин

Дорога никуда

Часть I

Глава I

Лет двадцать назад в Покете существовал небольшой ресторан, такой небольшой, что посетителей обслуживали хозяин и один слуга. Всего было там десять столиков, могущих одновременно питать человек тридцать, но даже половины сего числа никогда не сидело за ними. Между тем помещение отличалось безукоризненной чистотой. Скатерти были так белы, что голубые тени их складок напоминали фарфор, посуда мылась и вытиралась тщательно, ножи и ложки никогда не пахли салом, кушанья, приготавливаемые из отличной провизии, по количеству и цене должны были бы обеспечить заведению полчища едоков. Кроме того, на окнах и столах были цветы. Четыре картины в золоченых рамах являли по голубым обоям четыре времени года. Однако уже эти картины намечали некоторую идею, являющуюся, с точки зрения мирного расположения духа, необходимого спокойному пищеварению, бесцельным предательством. Картина, называвшаяся «Весна», изображала осенний лес с грязной дорогой. Картина «Лето» – хижину среди снежных сугробов. «Осень» озадачивала фигурами молодых женщин в венках, танцующих на майском лугу. Четвертая – «Зима» – могла заставить нервного человека задуматься над отношением действительности к сознанию, так как на этой картине был нарисован толстяк, обливающийся потом в знойный день. Чтобы зритель не перепутал времен года, под каждой картиной стояла надпись, сделанная черными наклейными буквами, внизу рам.

Кроме картин, более важное обстоятельство объясняло непопулярность этого заведения. У двери, со стороны улицы, висело меню – обыкновенное по виду меню с виньеткой, изображавшей повара в колпаке, обложенного утками и фруктами. Однако человек, вздумавший прочесть этот документ, раз пять протирает очки, если носил их, если же не носил очков – его глаза от изумления постепенно принимали размеры очковых стекол.

Вот это меню в день начала событий:

Ресторан

«ОТВРАЩЕНИЕ»

1. Суп несъедобный, пересоленный.
2. Консоле «Дрянь».
3. Бульон «Ужас».
4. Камбала «Горе».
5. Морской окунь с туберкулезом.
6. Ростбиф жесткий, без масла.
7. Котлеты из вчерашних остатков.
8. Яблочный пудинг, прогорклый.
9. Пирожное «Уберите!».

10. Крем сливочный, скисший.

11. Тартинки с гвоздями.

Ниже перечисления блюд стоял еще менее ободряющий текст:

«К услугам посетителей неаккуратность, неопрятность, нечестность и грубость».

Хозяина ресторана звали Адам Кишлот. Он был грузен, подвижен, с седыми волосами артиста и дряблым лицом. Левый глаз косил, правый смотрел строго и жалостно.

Открытие заведения сопровождалось некоторым стечением народа. Кишлот сидел за кассой. Только что нанятый слуга стоял в глубине помещения, опустив глаза.

Повар сидел на кухне, и ему было смешно.

Из толпы выделился молчаливый человек с густыми бровями. Нахмурился, он вошел в ресторан и попросил порцию дождевых червей.

– К сожалению, – сказал Кишлот, – мы не подаем гадов. Обратитесь в аптеку, где можете получить хотя бы пиявок.

– Старый дурак! – сказал человек и ушел.

До вечера никого не было. В шесть часов явились члены санитарного надзора и, пристально вглядываясь в глаза Кишлота, заказали обед. Отличный обед подали им. Повар уважал Кишлота, слуга сиял; Кишлот был небрежен, но возбужден. После обеда один чиновник сказал хозяину:

– Итак, это только реклама?

– Да, – ответил Кишлот. – Мой расчет основан на приятном после неприятного.

Санитары подумали и ушли. Через час после них появился печальный, хорошо одетый толстяк; он сел, поднес к близоруким глазам меню и вскочил.

– Это что? Шутка? – с гневом спросил толстяк, нервно вертя трость.

– Как хотите, – сказал Кишлот. – Обычно мы даем самое лучшее. Невинная хитрость, основанная на чувстве любопытства.

– Нехорошо, – сказал толстяк.

– Но...

– Нет, нет, пожалуйста! Это крайне скверно, возмутительно!

– В таком случае...

– Очень, очень плохо, – повторил толстяк и вышел.

В девять часов слуга Кишлота снял передник и, положив его на стойку, потребовал расчет.

– Малодушный! – сказал ему Кишлот.

Слуга не вернулся. Побившись день без прислуги, Кишлот воспользовался предложением повара. Тот знал одного юношу, Тиррея Давенанта, который искал работу. Переговорив с Давенантом, Кишлот заполучил преданного слугу. Хозяин импонировал мальчику. Тиррей восхищался дерзаниями Кишлота. При малом числе посетителей служить в «Отвращении» было нетрудно. Давенант часами сидел за книгой, а Кишлот размышлял, чем привлечь публику.

Повар пил кофе, находил, что все к лучшему, и играл в шашки с кузиной.

Впрочем, у Кишлота был один постоянный клиент. Он, раз зайдя, приходил теперь почти каждый день, – Орт Галеран, человек сорока лет, прямой, сухой, крупно шагающий, с внушительной тростью из черного дерева. Темные баки на его остром лице спускались от висков к подбородку. Высокий лоб, изогнутые губы, длинный, как повисший флаг, нос и черные презрительные глаза под тонкими бровями обращали внимание женщин. Галеран носил широкополую белую шляпу, серый сюртук и сапоги до колен, а шею повязывал желтым платком. Состояние его платья, всегда тщательно вычищенного, указывало, что он небо-

гат. Уже три дня Галеран приходил с книгой, – при этом курил трубку, табак для которой варил сам, мешая его со сливами и шалфеем. Давенанту нравился Галеран. Заметив любовь мальчика к чтению, Галеран иногда приносил ему книги.

В разговорах с Кишлотом Галеран безжалостно критиковал его манеру рекламы.

– Ваш расчет, – сказал он однажды, – неверен, потому что люди глупо доверчивы. Низкий, даже средний ум, читая ваше меню под сенью вывески «Отвращение», в глубине души верит тому, что вы объявляете, как бы вы хорошо ни кормили этого человека. Слова пристают к людям и кушаньям. Невежественный человек просто не захочет затруднять себя размышлениями. Другое дело, если бы вы написали: «Здесь дают лучшие кушанья из самой лучшей провизии за ничтожную цену». Тогда у вас было бы то нормальное число посетителей, какое полагается для такой банальной приманки, и вы могли бы кормить клиентов той самой дрянью, какую объявляете теперь, желая шутить. Вся реклама мира основана на трех принципах: «хорошо, много и даром». Поэтому можно давать скверно, мало и дорого. Были ли у вас какие-нибудь иные опыты?

– Десять лет я пытаюсь разбогатеть, – ответил Кишлот. – Нельзя сказать, чтобы я придумывал плохо. Мне не везет. В моих планах чего-то не хватает.

– Не хватает Кишлотов, – смеясь, сказал Галеран. – Драгоценный фантазер, будь в городе только две тысячи Кишлотов, вы давно уже покачивались бы на рессорах и приказывали жестом руки. Расскажите, в чем вам не повезло.

Кишлот махнул рукой и перечислил свои походы на общественный кошелек.

– Я держал, – сказал он, – булочную, кофейную и зеркальный магазин. Магазин имел вывеску: «Все красивы», – а в объявлении на окне говорилось, что из десяти женщин, купивших у меня зеркало, девять немедленно находят себе мужа. Вот вам пример рекламы вашего типа! Дело не пошло. Торгуя булками, я объявил, что запекаю в каждую тысячную булку золотую монету. Была давка у дверей по утрам, но произошло так, что в конце недели одна монета оказалась фальшивой, и я познакомился со следственными властями. Кафе «Ручеек» было устроено как настоящий ручеек: среди цветов, по жестяному руслу текло горячее кофе с сахаром и молоком. Каждый зачерпывал сам. Но все думали, что поутру в это русло сметают пыль. Теперь – «Отвращение». Я рассчитывал, что город взбесится от интереса, а между тем моя торговля вводит меня в убыток.

– Вполне понятно, – сказал Галеран. – Я уже изложил вам свое мнение на этот счет. Тиррей, принеси мне еще стакан кофе.

Давенант принес кофе и увидел, что у ресторана «Отвращение» остановился щегольской экипаж, управляемый кучером, усеянным блестящими пуговицами. Из экипажа вышли две девушки в сопровождении остроносой и остроглазой дамы, имевшей растерянный вид. Кишлот подбежал к двери, отвесив низкий поклон. Галеран задумчиво наблюдал эту сцену, а Давенант смутился, увидев девушек, несомненно принадлежащих к обществу, красивых и смеющихся, одетых в белые костюмы, белые шляпы, белые чулки и туфли, под зонтиками вишневого цвета. Одну из них еще рано было называть девушкой, так как ей было двенадцать лет, вторая же, семнадцатилетняя, никак не могла быть кем-нибудь иным, как девушкой.

Их спутница вскричала:

– Розна! Элли! Я решительно протестую! Посмотрите на вывеску! Я запрещаю входить сюда.

– Но мы уже вошли, – сказала девочка, которую звали Элли. – На вывеске стоит «Отвращение». Я хочу самого отвратительного!

Пока она говорила, Розна пожала плечами и, гордо подняв голову, переступила запретный порог.

– Надеюсь, вы не будете применять силу? – спросила она пожилую даму.

– Я запрещаю! – беспомощно повторила гувернантка, тащась за девушками.

Сметливый Кишлот обратился к Элли:

– Если маленькая барышня хочет, чтобы их старшая сестрица пожаловали, она должна ей сказать, что «Отвращение» только для виду, а кушать здесь одно удовольствие.

Гувернантка Урания Тальберг, изумленная словами Кишлота, но ими же и смягченная, так как ей польстило быть хотя на один миг сестрой хорошеньких девушек, возразила:

– Вы ошибаетесь, любезный, так как я наставница этих своевольных детей. Надеюсь, вы не заставите нас приглашать доктора после вашей стряпни?

– Если он и будет приглашен вами, – воскликнул Кишлот, – то лишь затем, чтобы провозгласить чудесный цвет лица трех леди, а также их бесподобный пульс.

– Ну, посмотрим, – снисходительно отозвалась Урания, присаживаясь к столу, где уже сидели Элли и Розна. Они осматривались, а Давенант смотрел на них, опустив руки и широко раскрыв глаза. Такие создания не могли есть из обыкновенных тарелок, но в ресторане не было золотых блюд.

На его выручку Кишлот бросился подавать сам, мечтая уже, что ресторан «Отвращение» стал модным местом, куда стекаются кареты и автомобили.

– Вот, мы сели, – сказала Урания. – Что же дальше?

– Что это значит? – спросила Розна, строго указывая на меню, где значилось: «Тартинки с гвоздями».

– Тартинки с гвоздями, – объяснил Кишлот, – это такие тартинки, в которых нет ничего, кроме хлеба, масла, ветчины, икры или варенья. А относительно гвоздей написано для тех, кто – как бы сказать? – любопытен...

– Вроде нас, – перебила Элли. – Действительно, мы любопытны, но нам нисколько не стыдно!

– Элли! – застонала Урания.

– Многоуважаемая Урания Тальберг, – ответила непокорная девочка, – папа сказал, что сегодня мы можем делать решительно все, что хотим. Глупо было бы, если бы мы не воспользовались... Хозяин!

– Я здесь, барышня.

– Свариваются ли гвозди в желудке? И какой они толщины?

– Хозяин шутит, – решил вставить Давенант, чувствовавший себя так хорошо и неловко, что не знал, как приступить к своим обязанностям.

– Но мы тоже шутим, – ответила Элли, внимательно смотря на него. – Нам весело. Значит, ничего такого не будет? Очень жаль. В таком случае принесите мне молока.

– Чашку молока! – повторили Давенант и Кишлот.

– Чашку кофе и печенье, – заявила Розна.

– Печенье! кофе! молоко! – закричал Давенант и, бросившись на кухню, чуть не сшиб хозяина, предоставив ему допытываться, не пожелает ли чего-нибудь гувернантка. Он вскочил на кухню и стал трястись от нетерпения над головой повара, который, торопясь, пролил кофе и расплескал молоко. Пока Давенант добывал эту пищу для фей, Кишлот принес сахар, печенье, салфетки и, удостоившись от Урании Тальберг приказания подать стакан холодной воды, явился с ним из-за стойки гордо и строго, дунув на стакан неизвестно зачем и каждому движению придав характер события. Все это очень забавляло девушек, вызывая свет смеха в их лицах и терзая гувернантку, стремившуюся поскорее оставить «вертеп».

Давенант вбежал, таща поднос с кофе и молоком. Заботливо расставил он чашки, опасаясь задеть необыкновенные существа, около которых метался так близко. Он отошел к буфету и стал жадно смотреть.

– Рой, – неосторожно сказала Элли сестре, подмигивая в сторону Галерана, сидевшего неподалеку от девушек, – вот там один из отравившихся пищей дома сего.

– Отравился и умер, и похоронили его, – громко подхватил засмеявшийся Галеран.

– Ах! – вздрогнула гувернантка.

– Элли! – зашипела Роэна.

Девочка, услышав голос осмеянного незнакомца, увела голову в плечи, глаза ее стали круглы и неподвижны. Вцепившись руками в чашку, чтобы не завизжать от хохота, она стиснула колени, скрючив пальцы ног, и, вспотев, пересилила себя.

– Уф-ф! Уф-ф! – едва слышно отдышалась Элли сквозь зубы.

Урания побледнела.

– Довольно! – заявила она, дрожа от негодования. – Какой стыд!

– Извините, – гордо обратилась Роэна к Галерану. – Моя сестра очень несдержанна.

– Эх ты! – горестно прошептала Элли.

– Я рад видеть детей Футроза, – добродушно ответил Галеран. – Я страшно рад, что вам весело. Мне самому стало весело.

– Как, вы нас знаете?! – вскричала Элли.

– Да, я знаю, кто вы. Мое имя вам ничего не скажет: Орт Галеран.

Он встал, поклонясь так непринужденно, хотя сдержанно, что даже чопорная Урания вынуждена была ответить на его приветствие движением головы. Девушки сидели молча. Элли ущипнула себя за руку, а Роэна заинтересованно взглянула на человека, чье простое обращение подчеркнуло, а затем обратило в шутку неловкость девочки.

Давенант с завистью слушал внезапный разговор, печально думая, что он никогда не смог бы подражать Галерану. Каково было его изумление, смятение и восторг, когда Галеран, видя, что посетительницы собираются уходить, обратился к девушкам так неожиданно, что Урания онемела.

– Подарите немного внимания этому молодому человеку, который стоит там, у вазы с яблоками. Его зовут Тиррей Давенант. Он очень способный, хороший мальчик, сирота, сын адвоката. Ваш отец имеет большие связи. Лишь поверхностное усилие с его стороны могло бы дать Давенанту занятие, более отвечающее его качествам, чем работа в кафе.

– Что вы сказали? – крикнул Давенант. – Разве я вас просил?

Кишлот испуганно замахал руками, морщась и качая головой, даже указал пальцем на лоб.

Но было уже поздно. Давенант попал в свет общего внимания, и Элли, страшно довольная скандализованностью гувернантки, смело улыбнулась мальчику, тотчас шепнув сестре:

– Будем, как Аль-Рашид. Почему бы не так?

– Тиррей прав, – согласился, нимало не смущаясь, Галеран, – он меня ни о чем не просил. Эта мысль пришла мне в голову самостоятельно. Я думаю, что после такого моего выступления ваши впечатления приобретут цельность. В самом деле: странное кафе, странные посетители, – странность на странность дает иногда нечто естественное. А что может быть естественнее случайности? И я подумал: дурного ничего нет в моих словах, случай же налицо. Всегда приятно сделать что-нибудь хорошее, не так ли? Вот и все. Возьмите на себя роль случая. Право, это неплохо...

– Однако... – нашла наконец силу и дыхание заговорить гувернантка, – я неприятно удивлена. О боже! Какой ужасный день. Розна! Элли! Нам совершенно пора идти.

Бессвязно проклокотав шепотом о неприличии сидеть дольше за ужасным столом хотя бы еще одну ужасную минуту ужасного дня, Урания Тальберг, встав, строго посмотрела на бессознательно подошедшего Давенанта. Она вновь уселась, найдя совершенно некстати, что этот диковатый юноша с длинными руками довольно мил. Откровенное лицо Давенанта предстало нервной даме во всей незащитности охвативших его надежд. Искренние серые глаза при полудетской линии рта и правильных чертах были его заступниками. В его привлекательности отсутствовала примитивность подростка: сложный характер и сильные чувства подмечались наблюдательным взглядом, но девушки видели, не разбираясь во всем этом, просто понравившегося им мальчика с встревоженным лицом и красивыми глазами, темно-волосого и печального.

– Чего же вы хотите? – сказала Урания Галерану. – Я, право, не знаю... Это так неожиданно. Розна! Элли!

Сконфуженный Давенант с тяжелым сердцем ожидал разрешения сцены, возникшей по мысли Галерана, которого он теперь проклинал. Всех выручил природный такт Элли, решившей, что шуточный тон будет уместнее всякой торжественности.

– Обожаю неожиданности! – сказала она. – Рой тоже любит неожиданности. Ведь правда, дорогая сестрица? Итак, мы решили в сердце своем: мы – «случайности». А вы – вы почему молчите? Ведь все это о вас!

Давенант, запинаясь, сказал:

– Заговорил не я. Сказал Галеран, чего я ему никогда не прощу.

– Но он угадал? – осведомилась Роэна тоном взрослой дамы.

Давенант ответил не сразу. Он сильно покраснел, выразив беглым движением лица нестерпимое желание удачи.

– Да. Если бы...

То была вырвавшаяся просьба о судьбе и пощаде. Волнение помешало ему сказать еще что-нибудь. Однако сочувственное любопытство девушек уже было на его стороне. Перемигнувшись, они подошли к Давенанту, говоря одна за другой:

– Вы, конечно, понимаете...

– Что ваш друг...

– Что в кафе «Отвращение»...

– С кушаньем «Неожиданность»...

– Произошло движение сердца...

– Мы клянемся вашей галереей: зимним летом и осенней весной...

– Постой, Рой!

– Не перебивай, Элли!

– Я не перебиваю. Мы сегодня делаем, что хотим. Тампико сделает все.

– Сделает все, что мы пожелаем! – воскликнула Элли, сердито смотря на Уранию, стоявшую уже у двери и саркастически поджавшую губы. – Придите завтра к нам. Хорошо? А мы сами скажем отцу. Вы уж с ним самим и поговорите. Якорная улица, дом 9 – это наш дом. Не раньше одиннадцати. Прощайте! – Элли неожиданно подбежала к Галерану, покраснела, но решила и закончила: – Какой вы чудесный человек! Вы сказали просто, так просто... И так всегда надо говорить. Впрочем, я вам напишу, сейчас я думаю много и бестолково. Куда писать? Сюда? В «Отвращение»? Кому? Неожиданности?

– Элли! – воззвала Урания со стоном и хрипом.

Девочка кивнула ей. Стихнув, она присоединилась к сестре.

Кишлот тяжело вздохнул, почесывая бровь. Галеран загадочно улыбался.

Давенант двинулся к двери, затем оглянулся на хозяина и попятился.

Стало тихо в кафе. Живые голоса смолкли. Выбежав на блеск улицы, девушки раскрыли зонтики и, безмерно гордые своим приключением, уселись на сиденье коляски.

Вожжи поднялись, натянулись, и пунцовые цветы с белыми листьями умчались в ливень света, среди серых грив и беглых лучей. Еще раз в стекле двери блеснул красный оттенок, а затем по пустой улице проехал в обратную сторону огромный фургон, нагруженный ящиками, из которых торчала солома.

Глава II

Урбан Футроз так любил своих дочерей, что не отказывал им ни в чем; в награду за это ему никогда не приходилось раскаиваться в безмерной уступчивости любым просьбам избалованных девушек. Футроз родился бездельником, хотя его состояние, ум и связи легко могли дать этому здоровому, далеко не вялому человеку положение выдающееся. Однако Футроз не имел естественной склонности ни к какой профессии, и всякая деятельность, от науки до фабрикации мыла, равно представлялась ему не стоящей внимания в сравнении с тем, единственно важным, что – странно сказать – было для него призванием: Футроз безумно любил чтение. Книга заменяла ему друзей, путешествие, работу, спорт, флирт и азарт. Иногда он посещал клуб или юбилейные обеды своих сверстников, выдвинувшихся на каком-либо поприще, но, затворясь в библиотеке, с книгой на коленях, сигарами и вином на столике у покойного кресла, Футроз жил так, как единственно мог и хотел жить: в судьбах, очерченных мыслями и пером авторов.

Его жена, Флавия Футроз, бывшая резкой противоположностью созерцательного супруга, после многолетних попыток вызвать в Футрозе брожение самолюбия, треск тщеславия или хотя бы стыд нормального мужчины, добровольно остающегося ничтожеством, развелась с ним на четвертом году после рождения второй дочери, став женой военного инженера Галля. Она иногда переписывалась с Футрозом и дочерьми, сумев придать новым отношениям приличный тон, но не удержав сердца детей. Девочки еще больше полюбили отца, а когда ему удалось вполне понятно для юных голов доказать им неизбежность такой развязки, не осуждая жену, даже оправдывая ее, – всех трех соединил знак равенства. Девочки открыли, что отец чем-то похож на них, и приютили его в сердце своем. Там занял он уютное, вечное место – наполовину сверстник, наполовину отец.

К такому-то человеку, представляя его сделанным из железа и золота, должен был явиться Тиррей Давенант. Когда девушки уезжали, он еще некоторое время смотрел на дверь даже после того, как стало пусто на мостовой, и опомнился, лишь когда увидел фургон с ящиками.

Вздохнув, Кишлот скептически поджал нижнюю губу, занявшись уборкой посуды, которую Давенант охотно оставил бы немытой, чтобы красовалась она в хрустальном ящике во веки веков.

– Однако вы смелый оригинал, – сказал Кишлот Галерану. – Репутация моего кафе укрепится теперь в светских кругах. Не так, так этак. Не тартинки с гвоздями, так рекомендательная контора.

– Вы не правы именно потому, что правы буквально, – возразил Галеран, набивая трубку. – Но вы не поймете меня.

– Что говорить: я, разумеется, бестолков, – отозвался Кишлот, – а вы человек ученый. Действительно вы знаете их отца?

– Да. Прежний садовник Футроза был мой приятель. Тиррей, не рассердился ли ты?

– Вначале я рассердился, – ответил Давенант, вспыхнув. – Я испугался.

– Чего?

– Не знаю.

– Хорошо. А затем?

– Рад был, конечно, что там говорить! – крикнул Кишлот. – Прожить жизнь слугой тоже несладко, это уж так. Ветрогонки-то забудут сказать отцу.

– Скорей я не был рад, – пояснил Давенант, обращаясь к Галерану. – Но вдруг стало приятно дышать. И больно. Они не ветрогонки, – задумчиво продолжал он, бессознательно удерживая блюдечко Элли, которое Кишлот так же машинально тянул у него из рук. – О!

я очень хотел бы всего такого! – вскричал Давенант. Отдав блюдечко, он встрепенулся и смахнул крошки. – Как вы думаете, что теперь может быть?

– Об этом рано говорить, – сказал Галеран. – Завтра увидимся, ты мне расскажешь, как ты ходил туда и что там произошло. Я должен идти.

– Почему вы так добры ко мне?

– На такие вопросы я не отвечаю. Сам не могу устроить твою судьбу, а случай был соблазнителен.

Галеран ушел, и Давенант вскоре после того опять начал обслуживать посетителей или отваживать любопытных, заходящих подпустить колкость, чтобы затем выйти, пожимая плечами. Когда Кишлот запер кафе, было уже девять часов вечера. Подметая залу, мальчик увидел забытую Галераном книгу и взял ее к себе, в свою каморку за кухней. Ввиду важности ожидающего Давенанта события – идти завтра к Урбану Футрозу – Кишлот разрешил юноше отсутствовать три часа – от десяти утра до часу дня – и надавал ему столько советов, как держаться, говорить, войти, уйти и так далее, что Давенант просто ему не поверил. Кишлот нарисовал двойной образец – унижения и дерз кого вызова, сам не замечая, что перепутал принципы кафе «Отвращение» с приемами слезливых нищих. Давенант был рад, когда отделался от него. Не скоро он заснул, то начиная читать в книге о дьявольском игроке Мофи, который видел в зрачках противника отражение его карт, то продолжая носить стаканы с молоком на заветный стол, где сидели дети Футроза. Из них двух стало четыре, а потом больше, и он был в плену этих прекрасных лиц, милостиво позволяющих ему слушать свою болтовню. Сон пожалел его наконец. Давенант спал, видя во сне замки и облака, и, встав утром, начал волноваться, едва протерши глаза.

У него был старенький синий костюм, купленный за гроши на деньги первого жалования, и соломенная шляпа с порывевшей лентой.

Он подровнял ножницами бахрому воротничка, начистил, как медь, башмаки и, поскорее хлебнув кофе, сумрачно выслушал последние наставления Кишлота, желавшего, чтобы Давенант, как бы случайно, сказал Футрозу, что «Отвращение» есть, в сущности, «Приятное разочарование» – небезынтересное для любознательных джентльменов, изучающих нравы города.

Давенант страшно жалел, что нет Галерана, который являлся не раньше полудня, – видеть этого человека теперь было для него равно дружескому напутствию.

Еще ничего не случилось, но кафе «Отвращение» с его посвистывающими стенными часами и полом, бывшим ниже улицы на три ступени, уже томило Давенанта, как скучное воспоминание. Повар начал допытываться, куда это идет слуга, одевшись, как в праздник, вместо полотняной куртки и тикового передника. Давенант скрыл от него истину, так как повар имел насмешливый ум. Он объяснил, что Кишлот будто бы дал ему поручение. Усомнясь, повар раздраженно передвинул кастрюлю и сказал:

– Тоже... с секретами.

Как ни подталкивал Давенант взглядом стрелки часов, ему хватило времени сделать свою обычную утреннюю работу: протереть окна, развесить бумажки для мух, написать меню, и лишь после того, с неохотой, уступившей явной необходимости, часы пробили десять. Меж тем его жажда событий теряла свою ревнивую чистоту от разных замечаний Кишлота: «Хотя ты и нацепил галстук, однако поворачивайся проворнее» или: «Где твои глаза? Не упали ли они в молоко для девочек?..» Случайно его не было за стойкой, когда Давенант складывал ножи и вилки на обычное место буфета. Схватив шляпу, юноша отправился быстрым шагом и начал бродить по городу, медленно и неуклонно приближаясь к Якорной улице. Не было еще одиннадцати часов, но он уже разыскал дом Футроза – старинное здание из серого камня, с большими окнами и входом посредине фасада. Набравшись решимости, Давенант приблизился к огромной двери. На его робкий звонок явилась строгая

пожилая горничная, с чем-то таким в лице, что делало ее частью этой волнующей Давенанта семьи. Неловко прошел он за горничной в гостиную. Пытаясь объяснить причину своего посещения, Давенант сказал:

– Вчера мне назначили... Какое-то дело...

Но горничная перебила его:

– Я уже знаю это, вас ждут. Садитесь и обождите. Я передам.

Давенант уселся на стул. Прежде всего он начал вслушиваться, не звучит ли где-нибудь женский смех. Ничего такого не слыша, предоставленный самому себе, он с любопытством осмотрелся и даже вздохнул от удовольствия: гостиная была заманчива, как рисунок к сказке. Ее стены, обтянутые желто-красным шелком турецкого узора, мозаики и небольшие картины развлекали самое натянутое внимание. Ковер цвета настурций, с фигурами прыгающих золотых кошек, люстра зеленого хрусталя, подвешенная к центру лепной розетки цвета старого золота, бархатные портьеры, мебель красного дерева, обитая розовым тисненым атласом, так сильно понравились Давенанту, что его робость исчезла. Обстановка согрела и оживила его. Великолепные растения с блестящими тяжелыми листьями стояли в фаянсовых вазах против трех больших окон. Рисунок ваз изображал летучих мышей над сумеречными холмами. Стеклопанная дверь, ведущая на террасу, была раскрыта; за ней блестяли небо и сад. Маятник каминных часов мерно касался невидимой однотонной струны низкого тембра.

Давенант засмотрелся на отрадную пестроту гостиной, не слыша, как вошел Футроз. Он вскочил, лишь когда увидел владельца дома перед собой. Но не колоссальный денежный туз с замораживающими роговыми очками стоял перед ним, а человек весьма успокоительной наружности – невысокий, худой; его черные волосы спускались бакенами до середины щек, придавая одутловатому бритому лицу с большим ртом и желтым оттенком кожи характерную остроту. Улыбка Футроза открывала перламутровой чистоты зубы; при этом на его щеках появлялись заразительно веселые ямочки, родственные ямочкам Элли. В его черных глазах мелькала искра иронии. Когда Футроз говорил, эта искра разгоралась и освещала все лицо, отчего взгляд менялся, становясь добродушно-серьезным. Отрывистый голос заканчивал этот облик, за исключением не упомянутого нами серого костюма и манеры дергать иногда левой рукой пуговицу жилета.

Усадив Давенанта против себя, Футроз сказал:

– Посмотрим, нельзя ли сделать для вас что-либо полезное. Девочки мне все рассказали, и я готов поддержать их желание устроить вашу судьбу. Вы не стесняйтесь меня. Ваш хозяин, как я слышал, – занятный оригинал. Расскажите мне о своей жизни!

Его простая манера выказывала несомненное расположение, и Давенант избавился от беспокойства, навеянного советами Кишлота. Но только он начал говорить, как в гостиную вошло существо о двух головах: Роэна обнимала сестру сзади, установясь подбородком в волосы Элли. Заметив Давенанта, девушки остановились и, задумчиво кивая ему, вышли, пятась, в том же нераздельном положении тесного объятия. Дверь прикрылась. За ней раздалась возня и откровенный взрыв хохота.

Встретив и проводив дочерей укоризненным взглядом, Футроз сказал просиявшему Давенанту:

– Вы начали говорить. Выкладывайте свою биографию, после чего займемся обсуждением наших возможностей.

– Видите ли, – сказал Давенант, невольно посматривая на дверь, – самое интересное для меня то, что мой отец исчез без вести одиннадцать лет назад. Так и осталось неизвестным, куда он девался, – жив он или умер. Мне было тогда пять лет, и я помню, как моя мать плакала. Он вышел вечером, сказав, что направляется к одному клиенту – получить долг.

Больше его никто не видел, и никто никогда не мог узнать о его участии, несмотря на всякие справки.

– Следовательно, – заметил Футроз, после приличествующего молчания, – ваш отец не заходил к клиенту, иначе был бы некоторый материал для решения таинственного вопроса.

– Да! И еще более, тот человек отсутствовал, – он уезжал в Сан-Риоль. Никак не мог он быть у него.

– Действительно!

– Когда я вырос, – продолжал Давенант, вздохнув, – многое мне приходило на ум. Я старался понять и читал книги о различных исчезновениях. Но только один раз что-то похожее на мои мысли представилось мне, очень странное.

– Мне интересно знать, рассказывайте.

– Это было так: я чистил башмаки, кто-то прошел за окном, и я вспомнил отца. Мне представился ночной дождь, ветер, а отец, будто бы размышляя, как достать денег, задумался и очутился в гавани – далеко, около нефтяных цистерн. Он стоял, смотрел на огни, на воду, и вдруг все огни погасли. Почему погасли?

Неизвестно: так я подумал. Стало тихо. Дунет ветер, плеснет вода... И он услышал, знаете... стук барабана: солдаты вышли из переулочка и прошли мимо него: «Раз-два... раз-два...», – а впереди шел барабанщик с темным лицом. Барабан гремел в ночной тьме, но нигде не было огней. Все спали или притаились... Конечно, дико! Я знаю! – вскричал Давенант, торопясь досказать. – Но барабан бил. Вдруг мой отец очнулся. Он пошел прочь и видит – это не та улица. Идет дальше – это не тот город, а какой-то другой. Он испугался, а потом заболел и умер... В больнице, должно быть, – прибавил Давенант, с облегчением видя, что Футроз слушает его без насмешки. – Но он жив... Я иногда чувствую это. Большей частью я знаю, что он умер.

Сведя так удачно воображение с здравым смыслом, Давенант умолк.

Футроз спросил:

– Как это у вас получилось?

– Не знаю. Но стало представляться одно за другим. Я сам удивлялся.

– Вы фантазер, – заметил Футроз, задумчиво рассматривая Давенанта. – Одиннадцать лет – большой срок. Оставим это пока.

Давенант рассказал свою жизнь, но умолчал о том, что его отец адвокат Франк Давенант был горький пьяница и несчастливый игрок; сын стыдился говорить худо об отце, которого едва помнил. Болезненная мать Давенанта шесть лет билась с нуждой, брошенная родственниками на произвол судьбы в отместку за то, что пренебрегла выгодной партией ради бедного юриста. Ей так и не удалось узнать, как кончают она свои дни: покинутой женщиной или вдовой. Не умевшая раньше ничего делать, Корнелия Давенант выучилась вязать чулки, мастерить шляпы, клеить рамки и коробки из раковин, иногда торговала цветами. Жизнь она провела в бедности, умерла в нищете, а Тиррея на одиннадцатом году его жизни взял к себе парусный мастер Кид, бездетный сосед Корнелии. К тому времени, как Тиррей окончил городскую школу, Кид и его жена уехали в Лисс, где мастер получил место начальника мастерской у крупного судовладельца. Давенанта Кид оставил в Покете, так как немолодая жена его неожиданно сделалась матерью, и чужой, да еще взрослый ребенок начал ей мешать. Уезжая, Киды отдали Тиррея работать харчевнику, имевшему несколько развозных тележек с горячей пищей, а затем Давенант был уступлен своим хозяином Кишлоту.

Футроз, выслушав, проникся сочувствием к юноше, ожидающему решения влиятельного человека с достоинством и застенчивостью младшего, но не ищущего.

– Вчера в вашем «Отвращении» был некто Галеран, – начал Футроз. – В сущности, это он натравил девочек на вас. Кто такой Галеран?

– Видите ли, – ответил, все еще посматривая на дверь, Давенант, – это человек очень хороший, и он часто по-дружески разговаривает со мной, однако ничего мне о нем не известно. Не знает этого даже Кишлот. Галеран приносит мне книги. Вообще он мне нравится.

– Разумеется, это вполне объясняет Галерана. Оставим его. Так чем привлекает вас жизнь? Что хотели бы вы ей дать и, само собой, также взять от нее?

– Я взял бы от нее все, да, как говорится, – руки коротки. Но... ведь вы знаете больше, чем я.

– А потому должен знать, чего вы хотите!!! Ну, нет, дудки, молодой человек! Подумайте и скажите.

– В таком случае я сознаюсь вам, что меня привлекают путешествия. Я хочу больших путешествий, связанных с каким-нибудь увлекательным делом. Но что я говорю! – воскликнул Давенант. – Верно: это мое заветное желание, и оно неисполнимо, но вы хотели, чтобы я говорил откровенно.

– Послушайте, милый мой, – сказал Футроз, прозревая в собеседнике пылкое сердце и горячую голову, – только то и хорошо, что вы откровенный. Вот на чем окончим мы нашу беседу: вы возвратитесь к Кишлоту, а к нам будете приходить по воскресеньям. Кроме того, вы явитесь для делового разговора послезавтра, в те же часы.

– Что вы надумали для меня? – спросил Давенант с высоты облаков, куда загнал его твердый, теплый тон Футроза.

– Законный вопрос. Так вот: у меня есть знакомый в Географическом институте. Несколько экспедиций намечено в этом году, – экспедиций небезопасных и долгих. Вам найдется там вспомогательная работа.

– Это верно! – воскликнул Давенант. – Я буду переносить инструменты или разбивать палатки. Однако, – добавил он великодушно, – я очень прошу вас: если вы встретите затруднения, – не хлопчите тогда.

– Ах так?! Хорошо.

– Но это не в таком смысле, что... – запутался опешивший Давенант, – а в другом... Мне совестно.

– Хорошо. – Футроз задумался, быстро проворчав сам себе: – Отдам его Старкеру. Пусть пишет под диктовку дневник.

– Как вы сказали? – не расслышал Давенант, думая, что Футроз спрашивает его.

– Я сказал, – шутливо оборвал Футроз деловой разговор, – что я возьму вас пинцетом за крылышки и пушу бегать по глобусу.

Чувствуя серьезность обещания, Давенант глубоко вздохнул, а Футроз позвонил и велел горничной передать девушкам, что он хочет их видеть.

– Вы будете нас посещать, – сказал он Давенанту, хлопая его по плечу, – и вам надо их старательно разглядеть, чтобы потом знать, с какой стороны получите удар. Это – хорошие, но очень коварные дети.

Девушки вошли и чинно кивнули смутившемуся Тиррею.

– Серьезный разговор кончен, – сказал им отец, – а теперь Давенант – наш гость. Боюсь, что он деликатнее вас, а потому не сумеет вас осадить. Помните, что он беззащитен, и не пугайте его. Мы его понемногу перевернем. Розна, я могу быть спокоен?

– О да, папа! – грустно сказала Рой, опуская глаза. – Ты можешь быть совершенно спокоен. Так спокоен, как тихая вода горных озер.

– Как энциклопедия на древнеегипетском языке, – успокоила отца Элли, печально глядя рукав.

Футроз с сомнением взглянул на них и вышел.

Язвительницы немедленно подошли к Давенанту и сели против него.

Элли томно сказала:

– Какая чудесная погода!

– О да! – ласково улыбнулась Рой краснеющему Давенанту. – Но, кажется, барометр падает. Скажите, пожалуйста, какого типа автомобили вам нравятся?

– Вы любите музыку? – спросила Элли, кусая губы. – Какой ваш любимый композитор? Продолжая дурачиться, они заметили, что Давенант удручен, и рассмеялись.

– Вы на нас не сердитесь, – сказала Рой. – Сегодня мы почему-то никак не можем остановиться. Нравится вам у нас?

– Да, – сказал Давенант, – вы угадали.

– А мы? – нагло спросила Элли, подсакивая на стуле.

– Мы постараемся вам понравиться, – скромно пообещала Роэна. – Вы будете приходить часто. Хорошо?

– Очень хорошо, – ответил Давенант, – это лучше всего. – Подумав, он добавил: – Я, может быть, кажусь вам очень серьезным, но это обманчиво. Так я не очень серьезен.

– Я вижу, что у нас найдется общая почва. – Элли подмигнула сестре. – Я тебе говорила.

– Что говорила?

Они обменялись таинственными знаками и несколько успокоились.

– Хотите, мы вам сыграем? – предложила Элли.

– Конечно! – вскричал Давенант. Улыбка не покидала его.

Возник спор, кому первой играть. Кончился он тем, что Роэна села к роялю, а Элли встала с ней рядом – переворачивать листы нот.

– Слушайте «Вальс изгнанника», – говорила Роэна в то время, как ее еще не сильные пальцы нажимали клавиатуру. – Я основательно не усвоила его пока. Это место путается дней пять. Но ты, Роэна, упорное существо... Слышите, как соврала? И вот, теперь изгнанник возвращается к домашнему очагу.

– Он стоит у окна темный, как негр в полночь, а там, – Элли закатила глаза, – его дочь, в цветах и бриллиантах, приехала из церкви... Сказать ли? С довольно недурным субъектом.

– И... – подхватила Рой, приказывая взглядом перевернуть лист. – Элли, зачем дергаешь ноты?.. и изгнанник, не желая мешать счастью дочери, целует оконное стекло. Все кончено. Он вернулся в свой дикий лес.

Давенант слышал не вальс, а небесный хор. Руки Роэны, вытягиваясь при сильных аккордах, как бы отталкивали рояль, или, мягко опустив локти, она склонялась над клавишами, быстро перебирая их, разгоревшаяся, охваченная светом мелодии.

С нее Давенант перевел взгляд на Элли. Девочка рассеянно улыбалась ему, тихо подпевая игре сестры. Теперь они были очень похожи.

Роэна окончила звуками, напоминающими медленный бой часов, и встала.

– Вот и все, – сказала она. – Хотите еще?

Давенант не успел ответить, так как вошел Футроз с конвертом в руке.

– Давенант, увидите ли вы Галерана? – спросил Футроз, обняв прижавшуюся к нему Элли.

– Да, я думаю, – да, – ответил Давенант, не понимая, что означает этот вопрос. – Галеран приходит в... обедать каждый день.

– В «Отвращение», – вставила Элли. – Ох! Я обещала ему написать.

– Помолчи. Передайте это письмо Галерану, а затем, как мы условились. Надеюсь, я увижу вас послезавтра.

– Загадка! – вскричала Рой.

– Галеран влопался, – кратко сообщила Элли, повертываясь на одной ноге.

– Хорошо, письмо будет передано, – сказал Давенант, пряча пакет.

– Тампико, мы пошли, – объявила Элли. – Прощайте, Давенант! Передайте письмо!

– Передайте его из рук в руки, за углом, чтобы никто не видел, – посоветовала Рой.

Футроз повернулся к ним, скрестив руки и двинув бровью так внушительно, что девушки смутились и вышли. Давенант увидел два носика, просунутые в щель двери, затем Рой сказала: «Идем!» – и дверь плотно закрылась.

Футроз отпустил Давенанта, почти жалея, что этот большой мальчик не его сын.

Выпущенный на улицу почтительной горничной, стесняясь ее, стен, двери, самого себя, Давенант пустился идти так быстро, что задохнулся. Ломая голову над неожиданным письмом Галерану, твердя «Географический институт», «изгнанник целует стекло», слыша мотив и созерцая два носика в дверной щели, Давенант явился к Кишлоту с таким странным лицом, что тот спросил:

– Выставили?

– Нет, не выставили, – рассеянно ответил наш герой, оглядываясь. – А где Галеран?

– Он тут, если ты на него смотришь, – сказал Галеран в пяти шагах от Давенанта, именно к нему и обратившегося со своим лунатическим вопросом.

Давенант вздрогнул.

– Ах, это вы! Странно – я не заметил, где вы сидите. Вот письмо. Вам письмо.

Кишлот только что принес тарелку супа для Галерана. Тот отложил ложку и стал рассматривать конверт.

– Сам Футроз написал его, – пояснил Давенант.

В течение нескольких минут остальные посетители «Отвращения» – старая женщина и толстомордый приказчик из мясной лавки – тщетно требовали: женщина – соль, а приказчик – печеное яблоко. Кишлот разинул рот еще шире, чем Давенант. Кишлот издали рассматривал письмо, а Давенант стоял вблизи Галерана. Наконец, опомнясь, он ушел заменить синий пиджак белой рабочей курткой и, едва сделав это, выскочил посмотреть, как распечатывается загадочное письмо.

Галеран с замкнутым лицом вскрыл конверт и запустил в него два пальца. Подавив улыбку, он осторожно извлек визитную карточку, мелко исписанную, и, держа ее перед собой в левой руке, приблизил к губам ложку с супом. Ложка почти касалась его губ, но он, слив суп обратно в тарелку, оставил ложку и, держа теперь письмо обеими руками, начал читать с крайне серьезным видом, заложив ногу за ногу. Что-то большое, важное засветилось в его прищуренном взгляде. Галеран спрятал письмо и рассеянно съел суп, после чего заказал мороженое.

– Разве вы не будете есть дичь? – удивился Кишлот, взглядывая из-за своей стойки на Галерана, который даже закурил почему-то перед мороженым. – «Куропатка с ревматизмом», – как значится сегодня в меню... Хе-хе! Должно быть, важное это письмо, от старых знакомых... Давенант, принеси «мороженое с ангиной»!

Надеясь, что Галеран заговорит о письме, Тиррей окаменел в дверях, подняв ногу и повернув ухо.

– Не буду есть даже «павлина с аппендицитом», – сказал Галеран, – не буду есть даже мороженое. Я раздумал, так как лишился аппетита из-за чрезвычайных новостей. Во-первых, овцы подорожали, а во-вторых, прибыла партия кайенского перца, который продается с аукциона.

– Так не надо мороженого? – спросил Давенант, стащив старухе третью солонку.

Старуха так обиделась, что топнула ногой. Галеран встал, подозвав мальчика движением головы.

– Сознаешь ты, что отчасти обязан мне? В деле с Футрозом?

– Конечно. Вы первый начали.

– Тогда ты должен прийти сегодня вечером, в десять часов, на Северную улицу, номер 24, квартира 33. Это мой адрес. Я буду тебя ждать. Ты придешь и расскажешь, как тебя встретили.

– Футроз сказал, что сделает все. Понимаете? Я не шучу. Я приду к вам, – быстро говорил Давенант, извиваясь всеми нервами от любопытства к письму. – Но... что он вам написал? Уж вы простите меня.

– Я мог бы не отвечать, видя твою деликатность, но я тебя понимаю. Футроз просит меня, со всей вежливостью, конечно, чтобы я не присылал ему больше очень любопытных «Тирреев», шестнадцати лет.

– Я не мальчик, – сказал Давенант, вспыхнув. – Но я сошел с ума, вот что. Забудьте мою настойчивость...

Галеран ушел, а Давенант приступил к обычной работе. Относительно письма он думал, что Футроз переслал Галерану записку Элли о ее мыслях, как она обещала. Кишлот сумрачно посвистывал, роняя изречения вроде: «Чего не бывает в жизни!», «Не каждому так везет», а вечером подвыпил и заявил, что в его жизни тоже был один случай, но он не воспользовался им, так как очень горд и презирает людей, живущих в особняках.

– Вот если ты сам достигнешь всего – это другое дело, – говорил Кишлот, – это не то, что хвататься за чужой хвост.

Ворчание старика Давенант оставил без внимания и, рассеянно соглашаясь с ним, дождался наконец часа закрытия кафе. Вскоре после того он направился к дому, где жил Галеран. Это был старый дом в три этажа, стоявший на углу песчаного пустыря плохо освещенной окраины. Не все окна дома были озарены изнутри, на грязных лестницах приходилось рассматривать ступени, а иногда зажигать спичку. Давенант взобрался на третий этаж по второй лестнице и разыскал номер квартиры. Человек с миниатюрным лицом, провалившимся в огромную бороду, провел Давенанта к помещению в конце широкого коридора, где смутно белела прибитая кнопкой визитная карточка. Услышав шаги, Галеран вышел и пропустил мальчика, а дверь запер крючком.

– Я всегда запираюсь, – сказал Галеран, – потому что жильцы имеют привычку вваливаться не стуча. Тебе открыл горький пьяница, бывший студент.

Большая комната Галерана была освещена газовым рожком и скудно обставлена простой мебелью, состоявшей из двух столов – на одном провизия и посуда, другой с книгами и чернильницей, трех стульев, кровати за ширмой и марлевых занавесок двух окон. На известковых стенах висели две старые гравюры под стеклом, копии Мейсонье¹. Эта бедность, подчеркнутая чистотой помещения и полной достоинства приветливостью, с какой Галеран усадил гостя, тронула Давенанта; впервые пожалел он, что не богат и не может прислать Галерану восточный ковер.

– Вы очень меня заинтересовали, – сказал мальчик, – я все ждал, когда наступит вечер. Но я все равно страшно хотел прийти к вам.

– Отлично. Тем более, что я тебя сейчас поведу.

– Да. То есть – куда?

– Мы условились, что ты не будешь ни о чем спрашивать. Я тебя поведу, и ты увидишь.

– Замечательно интересно! – вскричал Давенант, ожидая чудес и снова трепеща, как утром в доме Футроза. – Я согласен. Что же я увижу?

– А! Не стоит с тобой разговаривать! Принимай условие без вопросов и рассуждений. Нам предстоит приключение.

– В таком случае я готов, – заявил Давенант, вскакивая. – Но у меня нет оружия.

– Нам не понадобится оружие. Если хочешь, вооружись терпением.

¹ Мейсонье Жан Луи Эрнест (1815–1891) – французский художник.

Галеран надел шляпу и взял трость. Давенант не мог ничего прочесть в его невозмутимом лице. Завернув газовый рожок, Галеран сказал: «Идем», – пропустил мальчика и запер дверь. При выходе встретился им человек с бородой, которому Галеран внушительно заявил:

– Симпсон, замок я устроил так, что защелку не отодвинуть теперь концом ножа, а потому не трудитесь осматривать мою комнату. Кстати, сегодня там нет ни портвейна, ни водки.

– Хорошо, – басом ответил Симпсон. – Впрочем, что я говорю! Вы незаслуженно оскорбили меня!

– Только предупредил. Завтра, может быть, будет водка, так я вам дам сам.

Не слушая, что кричит вдогонку Симпсон, Галеран вышел из дома и привел Тиррея на освещенную улицу, где они взяли извозчика, которому Галеран назвал адрес, неизвестный Давенанту. Забавляясь волнением и недоумением Тиррея, умолкшего от неожиданности и сидевшего, погружаясь в тщетные догадки, Галеран обстоятельно рассказал о Симпсоне – как он застал его в своей комнате за кражей вина, похвалил новый дом с красивым фасадом и указал кинематограф, где был недавно пожар. Разочарованный Давенант обиженно слушал, догадываясь, что Галеран забавляется нетерпением жертвы своих тайн, и выискивал среди его слов намеки на предстоящее.

– Хочешь, я тебе расскажу анекдот? – спросил Галеран.

Однако извозчик остановился у одноэтажного дома, и анекдот никогда не был рассказан.

– Немного поздно, – сказал Галеран старухе-немке, открывшей дверь и встретившей посетителей бесчисленными кивками. – Мой юный друг горит нетерпением осмотреть комнату.

Давенант дернул его за рукав, но Галеран взял мальчика за локоть и подтолкнул.

– Иди же, – сказал он. – Я говорю правду. Футроз просил меня найти тебе комнату. Ты будешь здесь жить.

– Его письмо! – вскричал Давенант. – Так это он вам писал?

– Да; еще кое-что.

– Заботятся о молодом человеке, хлопчут, – осторожно произнесла старуха как бы про себя, но с явной целью завязать разговор. – Пожалуйста, пожа луйте, там вам все приготовлено, останетесь до вольны.

– Значит, сегодня мне не уснуть! – объявил Давенант, входя за Галераном в комнату с зелеными обоями и глубокой нишей, где помещалась кровать. Он увидел качалку, письменный стол, стулья с кожаными сиденьями, шкаф, занавески из машинных кружев.

Хозяйка не вошла в комнату, но стала у порога, и Галеран без церемонии закрыл дверь.

– Сегодня тебе нет смысла перебираться, – сказал Галеран, – так как уже поздно, да и Кишлот, пожалуй, обидится. Он по-своему привязан к тебе. Впрочем, как хочешь. Так слушай: эта комната оплачена вперед за три месяца с полным содержанием: завтрак, обед, ужин и два раза кофе. Хорошее приключение?

– Чем я оплачу Футрозу и вам?

– Ты оплатишь Футрозу тем, что вежливо примешь эти дары, врученные тебе добровольно, с хорошими чувствами. Как ты сам понимаешь, у него нет причины заискивать перед Давенантом. Что касается меня, то моя роль случайна – я только согласился исполнить просьбу Футроза. Открой шкаф!

Давенант повиновался. В шкафу висела одежда. Внизу лежала груда белья.

– Ты видишь, – продолжал Галеран тоном ботаника, объясняющего разрез цветка, – ты видишь здесь части нового костюма, состоящего из серых брюк, жилета и пиджака – это довольно дорогое сукно. Рядом висят части белого костюма и четыре галстука различных оттенков. Две шляпы – соломенная и фетровая. Шляпы необходимо примерить.

Галеран взял мягкую шляпу и водрузил ее на голову Давенанта.

– Очень хорошо. Я снял мерки твоего платья при помощи повара, который поклялся молчать благодаря ощущению в ладони приятного металлического холодка. Надеюсь, он молчал?

– Ничего он мне не сказал.

– То-то. Было бы неестественно, если бы ты не ущипнул все эти прелести, а, Давенант? Прикоснуться необходимо.

Давенант бессмысленно подержался за брюки, уронил галстук и закрыл шкаф.

– Лучше не смотреть пока, – сказал он. – Я должен привыкнуть. Вы не можете догадаться, почему Футроз дал мне так много всего?

– Представь – могу. Футроз такой человек, что если делает, то делает основательно, до конца, или не делает ничего. Доброта добротой, но эта черта характера весьма показательна, так что если он невзлюбит тебя, то не менее основательно забудет о твоём существовании. Это человек серьезной игры. Твой хозяин – старый счетовод Губерман, его жена – Эмма Губерман, которая открыла дверь, – дьявольски любопытна, поэтому не говори ничего о доме Футроза. Если показать красивую вещь людям, не понимающим красоты, – ее непременно засидят мухи мыслишек и вороны злорадства. Понял меня?

– А вот что! – вскричал Давенант. – Уж как вы хотите, но я вас должен поцеловать.

Прежде чем Галеран успел защититься, Давенант охватил руками его мрачную голову и крепко поцеловал.

– Бойся несчастий, – внушительно сказал Галеран, беря мальчика за плечо, – ты очень страстен во всем, сердце твое слишком открыто, и впечатления сильно поражают тебя. Будь сдержаннее, если не хочешь сгореть. Одиночество – вот проклятая вещь, Тиррей! Вот что может погубить человека. Мы пойдем.

Эмма Губерман выпустила мужчин, вздыхая и припевая им в спину об «ангелах на земле».

– Шестьдесят лет живу, – прибавила она неожиданно брюзгливой скороговоркой, уже без пения и умиления, – а такого случая не бывало. Все понимаю, все. Очень хорошо, будьте спокойны.

На улице Давенант спросил:

– Куда вы направляетесь, позвольте узнать?

– Думаю, что немного выпью, – сказал Галеран, пересчитывая карманную мелочь. – Ах да! От денег, которые Футроз приложил к письму, осталось вот... Сколько тут? – Он передал мальчику три золотые монеты и серебро. – Ну, ступай...

Он сел в трамвай, а Давенант явился к Кишлоту, чтобы, забрав вещи, немедленно перебраться в новое помещение. Кишлот жил без прислуги. Взяв свечу, он открыл дверь сам.

– Слушайте, вы будете сейчас очень удивлены, – сказал Давенант, остановясь на пороге. – Вы знаете ли, где я живу?

– Я стар для загадок. Или входи, или говори, что случилось.

– Галеран нанял мне комнату, – объявил Давенант. – Честное слово. Я там сейчас был. На деньги Футроза. Футроз прислал деньги в письме, а я ничего не знал.

– Врешь! – сказал Кишлот, поднося свечу к подбородку Давенанта.

– Я хотел идти туда завтра, но мне не терпится, – продолжал Давенант, машинально обрывая пальцами свечной нагар. – Уж вы меня простите. Здесь мне теперь не уснуть. Сказать ли вам еще, что пропасть всякой одежды висит там в шкафу, и все для меня?!

– Я думал, что ты врешь. Значит, посыпалось на тебя. Бывает такое, – сказал пораженный Кишлот. – С этим уж ничего не поделаешь, – в раздумье прибавил он тоном странного утешения.

– За что же это, как вы думаете?

- Ни за что. Понравился, как котенок. Без мерки он купил?
- Что без мерки?
- Галеран – фраки и смокинги?
- Это просто костюмы. Я их даже не примерял.

Кишлот повел Давенанта к себе наверх, вытащил из шкафа вино и стал ходить по комнате, прижимая бутылку к спине.

– Да! – воскликнул он после молчания и вздохов. – Ты взлетишь высоко, должно быть. Но мое последнее слово тоже еще не сказано. Я нападую на золотые россыпи, говорю тебе! Рано или поздно! Будет такая верная идея, она придет. Хвати стакан вина, садись, рассказывай, черт возьми!

Наспех передав ему все существенное своей истории, Давенант выпил вина и загремел вниз по лестнице. Бросив в сундучок несложную поклажу свою, он взвалил сундучок на плечо и попрощался с Кишлотом, который, видя его состояние, не пускался более в разговоры, а порылся в карманах и отдал ему жалованье.

– Окончательно разбогател Давенант, – сказал Кишлот, всучивая бывшему слуге горсть серебра. – За четырнадцать дней! Проваливай!

Выпроводив счастливец, он запер дверь, крикнув:

– Заходи пообедать!

Глава III

Хотя Давенант страшно торопился, однако прибыл к Эмме Губерман уже в полночь, и старуха открыла жильцу дверь без неудовольствия: она получила за комнату хорошие деньги. Старуха даже принесла Давенанту наскоро состряпанную яичницу, которую поспешно съев, он занялся рассматриванием своих богатств: примерил серый костюм; нигде не жало, жилет не теснил грудь. В зеркале отразился некто изящный, чужой, без усов. Сняв серый костюм, Давенант облачился в белый. «Волшебство!» – сказал он, застегивая перламутровые пуговицы. Все сняв с себя, повесив одежду в шкаф, он погасил свет и уснул так крепко, что утром не сразу очнулся на стук в дверь: хозяйка начала беспокоиться, было уже одиннадцать часов, и ее кофейник закипал восьмой раз.

Давенант радостно засвистал: не надо подметать пол, расстилать скатерти и выбрасывать из вазы гнилые яблоки. Время принадлежит ему. Пахло чистотой и теплом тонкого белья. Нервы еще гудели, но не так порывисто, как это было вчера. Совершившееся приобрело законность длительной очевидности. Выпив кофе и закусив, Давенант оделся в белый костюм. Едва кончил он возиться с прикреплением галстука, как явилась старуха.

Одолеваемая любопытством, разведя руками, покачав головой в знак умиления при виде такой перемены внешности квартиранта, она стала допытываться, почему бедно одетый юноша с простым сундучком вызвал к себе столько заботливого внимания. Ее интересовало, кто – Галеран, кто – Давенант, как он жил до сего дня, а также что будет делать.

Старуха показалась Давенанту весьма противной, тем более что спрашивала не прямо, а как бы отвечая на свои мысли:

– Конечно, не все сразу. Вы осмотритесь, отдохнете, а там, надо думать, будет вам служба или не знаю что. Приятно видеть, как господин Галеран вас любит, я думала – не отец ли он?! У моего мужа тоже ничего не было, но он начал трудиться, копить...

Эти намеки Давенант обошел молчанием, он свел разговор на комнату, а старуха пыталась залезть с когтями и очками в его сердце.

Не имея опыта выпроваживать докучных людей, Давенант терпел ее скрипучий речитатив, пока, устав, она не ушла, поджав губы, – с жестким лицом, а Давенант отправился бродить по городу. На выходе он столкнулся с мужем хозяйки – унылым, раздражительного вида стариком, который сунул свои хилые пальцы в его горячую руку и прохрипел:

– Ну-с, так. Все в порядке, я полагаю?

Старик скрылся за углом, Давенант предпринял сложное путешествие, пересаживаясь с автобуса на трамвай, с трамвая на автобус, доезжая до конца каждой линии, и за несколько часов так исколесил город, как до того никогда. Он мчался, повинувшись одолевающему его внутреннему движению. Но скоро заметил Давенант, что старается не думать о цели этих блужданий, удерживая тайные мысли. Наконец он решился и прошел по Якорной улице; когда же поравнялся с домом Футроза, уши его горели, а сердце стучало. Если так хорошо было в том доме при нем, то как очаровательна жизнь его обитателей, когда их никто не видит! Так он думал. При чужом человеке, естественно, самое прекрасное должно прятаться. Там что-то мелькает, вспыхивает, звенит – казалось ему, там плачут от смеха и летают среди улыбок таинственные существа, озаренные голубым светом. Между тем, ничего не зная о совершеннейшем из всех зданий мира, прохожие покупают газеты, бросают окурки под окна, мимо которых он идет, страшась встретить даже гувернантку Уранию Тальберг, так как на ней тоже блестят упоительные лучи красно-желтой гостиной, полной золотых кошек и розовых лиц.

А между тем Давенант очень хотел увидеть хотя бы Уранию, хотя бы горничную, но при условии остаться не замеченным ими.

Утешившись тем, что завтра снова придет к Футрозу, Давенант остаток дня употребил на посещение зверинца и покупку нескольких старых книг; к завтраку он опоздал, обедать пришел поздно и был голоден, отчего съел суп, рыбу и сладкий пирог без остатка, съел даже весь хлеб, так что старуха долго рассуждала с соседкой об аппетите жильца. После обеда Давенант лег с книгой, читая повесть Хаггарда², но скоро, утомясь пережитым, заснул. Как стемнело, пришел Галеран и увел его гулять на Лунный бульвар.

Они медленно ходили под листвой огромных деревьев, разговаривая о жизни, которую Галеран знал во всех ее проявлениях, стараясь внушить мальчику доверие к своим чувствам.

– Никогда не бойся ошибаться, – говорил Галеран, – ни увлечений, ни разочарований бояться не надо. Разочарование есть плата за что-то прежде полученное, может быть, несоответствующая иногда, но будь щедр. Бойся лишь обобщать разочарование и не окрашивай им все остальное. Тогда ты приобретешь силу сопротивляться злу жизни и правильно оценишь ее хорошие стороны.

Эти простые истины отвечали характеру Давенанта; особенную прелесть имели они именно теперь, представляя как бы надежное оружие для его переполненных чувств, поданное отважной рукой.

Возвращаясь ярко освещенной аллеей, они остановились у террасы ресторана, привлеченные бурной сценой: оборванный пьяный человек рвался к столикам, крича, что хочет развеселить посетителей замечательной песней. Уже слуги схватили его, намереваясь вытолкать вон, как одна богатая компания, желая потешиться, вступилась за оборванца, и, злобно оглянувшись на отошедших официантов, оборванный человек, вытерев потный лоб тылом руки, хрипло запел:

Пришла к тюрьме девчонка, Рябая Стрекоза,
Вихлявая юбчонка, подбитые глаза.
«Вас, бравый надзиратель, хочу с собой я взять,
Вы будете, приятель, со мной в постели спать.

Вчера я ночь гуляла,
Два шиллинга достала,
Прошу их передать
На номер триста пять!»

Скривился надзиратель и так ей говорит:
«Я не работодатель, а честный Джонни Смит,
Любовник твой – убийца, повешен он вчера
За то, что кровопийца, в шестом часу утра.

А ты иди, паскуда,
Прочь от ворот, покуда
Тебя не прогнал я.
Поди, хлебни вина!»

«Ах так, – она сказала и плюнула в него. —
Тебя повесить мало, и больше ничего,
Сегодня, только смеркнет, твой брат ко мне придет
И у меня в постели зарезанный уснет...»

² Хаггард, Генри Райдер (1856–1925) – английский писатель.

Бродяга пел с чувством, жеманно вертясь, когда изображал проститутку, и выпячивая грудь, строго хмурия брови, когда Рябой Стрекозе отвечает непреклонный надзиратель. Часть слушателей расхохоталась, иные вознегодовали, но артист все же собрал мзду. Больше ему петь не дали. Он ушел, пошатываясь и разглядывая монеты на дрожащей ладони. Затем бродяга быстро миновал Давенанта, крикнув отшатнувшемуся юноше: «Держись, сосунок, а то сшибу!» – и исчез в аллеях. Давенант заметил его спутанные волосы. Тяжелое, коварное лицо этого человека метнулось перед ним на одно мгновение и скрылось в тени ночи.

Такого рода песни Давенанту приходилось слышать не раз, когда он возил тележку с горячей пищей на окраинах порта, а потому он равнодушно слушал ее. Между тем Галеран остановился; вытащив блокнот, он записал в него отдельные выражения этого образца тюремной поэзии.

– Я составляю сборник уличных песен, – сказал Галеран, – и надеюсь продать мой труд какому-нибудь издательству. Ты, наверное, часто старался понять, чем я живу. Я составляю сборники самого разнообразного типа: от анекдотов до «игр и забав». Я жил бы лучше, если бы не был подвержен страсти к игре. Не могу не играть.

– Значит, вам не везет?

– Ты проницателен.

– А вы старайтесь выигрывать.

– Совет мудреца! – рассмеялся Галеран. – Покинь меня и отправляйся спать. Спать хорошо.

– Вот что, – подумав, сказал Давенант, – в первый же раз, как вы отправитесь играть, возьмите, пожалуйста, эту золотую монету и присоедините ее к судьбе ваших ставок. Будь что будет!

– Идет! – согласился Галеран. – Я никогда не отказываюсь играть на чужое счастье. Приходи завтра в «Отвращение». Я буду там от часу до трех.

– Да, я всегда хочу быть с вами, – сказал Давенант. – Я буду там, мы что-нибудь придумаем.

На том они расстались. Прошла еще одна ночь, и занялся день, сказавшийся лучом в глаза:

– Сегодня, сегодня – туда!

Глава IV

Розна и Элли принимали участие в судьбе молоденькой чахоточной портнихи Мели Скорт, затеяв отправить ее лечиться на морской берег Ахуан-Скапа. Мели явилась незадолго перед тем, как вошел Давенант. Увидев ее в гостиной смиренно рассматривающей альбомы, Давенант поклонился бледной, бедно одетой девушке и сел поодаль. Его белый костюм не обманул проницательность Мели Скорт. Взглянув на Давенанта исподтишка, она угадала зависимое положение юноши и решила сказать:

– Такой чудесный дом, не правда ли? Они очень богаты.

– Замечательный дом, – с воодушевлением отозвался Давенант. – Скажите, еще никто не выходил?

– Нет. – Мели кашлянула. – Я тоже жду. Меня отправляют на курорт лечиться. У меня чахотка. А вы?

– Я? Тут есть одно дело, – сказал Давенант, несколько смешавшись. – Впрочем, сегодня выяснится.

Его избавило от признаний появление Розны. Она вошла без сестры, в темном платье, скромно причесанная, и глаза ее лукаво блеснули.

– Давенант! Мели! – воскликнула Рой. – Как хорошо! Познакомьтесь, Тиррей Давенант, с Мели Скорт. Мели, когда вы едете?

– Я уеду завтра, так как...

– Тампико, то есть отец, только что говорил в телефон...

Рой стала шептать ей на ухо, и Мели покраснела, а Давенант расслышал окончание шепота: «...раскройте сумочку». Понимая, что происходит, он отвернулся, смотря в окно. Розна вскоре подбежала к нему, говоря:

– Идем, посидим на диване. Сегодня вы не увидите Элли. Бедняжка прихворнула. Доктор уже смотрел язык и посоветовал целый день лежать. Только это не опасно, он так сказал. Давенант, вам тоже от отца весть: еще не приехал его знакомый, который должен будет посвятить вас в рыцари географии. Так что мы поболтаем. Ах, Элли беспокоит меня!

– Должно быть, перемена погоды, – сказала Мели. – Я под утро не могла заснуть от кашля.

Они уселись. Рой села между Давенантом и Скорт.

– Очень неровный климат, – продолжала Мели.

– Да, ужасные, ужасные перемены. Отвратительно! – Юная хозяйка не дурачилась, как вчера, но в ее голосе слышались знакомые Давенанту боевые ноты первого дня, когда играли «Изгнанника».

Девушки помолчали. Встретясь глазами, они улыбнулись и рассмеялись.

– Отчего вы рассмеялись? – воскликнула Рой, привскакивая на сиденье.

– Не знаю. А отчего вы?

– Просто так. Так вот что: съедим конфеты.

Она убежала и вернулась с коробкой, поставив ее на диван между собой и девушкой.

– Давенант, отчего вы сидите так чинно? – сказала Рой. – Идите помогать.

Давенант подержал конфетку у губ и спросил:

– Что же с Элли? Может быть, она опасно больна?

– Нет, нет, успокойтесь. Она, так сказать, наполовину здорова. Но ей придется весь день лежать.

– Что такое?! – вскричал ревнивый голосок, и в гостиную вышло зеленое одеяло, из которого торчала кудрявая голова. На ногах Элли были огромные туфли Урании, и она бойко шаркала ими, поддерживая свисающее одеяло, как шлейф.

– Здравствуйте, дети, – сказала Элли, – я к вам. И... О, дай мне конфету, Рой! Уже я знаю: Давенант пришел к нам. Могла ли я утерпеть?

– Элли, ступай назад! – крикнула ей Роэна. – Как ты смела?

Не обращая внимания на ее тревогу, Элли подошла к Мели Скорт и присела.

– Как вы думаете, – хочу я общества или нет? Позвольте представиться: минус вселенной!!

– Мели, скажите ей, что когда вы были больны, то не вскакивали в таком кимоно!

– Будьте послушны, – сказала Мели, давая девочке взять себя под руку, после чего Элли решительно уселась на диван, – даже маленький сквозняк вам опасен.

Элли, вздохнув, встала и пересела к Давенанту.

– Он защитит меня и даст мне конфетку. Будьте моим рыцарем!

– Хорошо, – сказал Давенант, – но, как рыцарь, я дам вам конфетку только с разрешения градусника.

– В том-то и дело, что я его разбила сейчас. Я хотела доказать, как я здорова. Что такое ртуть? Кто знает?

– Иди-ка сюда, – Рой приложила руку к щеке Элли. – Кажется, ничего нет, но ведь Урания помешается.

– Накликала, – проговорила Элли, завидев входящую гувернантку.

– Это что такое! – закричала Урания, подняв руки.

Она сразу узнала Давенанта, но, узнав, покраснела от возмущения. Воспитательная система Футроза приводила ее в ярость.

– Элли, вы меня... убить? Хотите меня убить, да? Сию минуту в постель!

Элли закрыла лицо руками и помотала головой.

– Ах, как не хочется лежать! – просто сказала она. – Что делать? Иду. Прощайте! Пусть у вас расстроятся желудки от ваших конфет!

Одеяло удалилось, шаркая туфлями и напевая грустный мотив, а Урания объявила Роэне, что ее ждет учитель музыки, после чего вышла, закинув голову и грозно дыша.

– Желаю вам быстро поправиться, – сказала Роэна, прощаясь с Мели Скорт. – Папа был в Ахуан-Скапе и очень хвалит это место. Вам будет там хорошо.

– У меня перед отъездом разные противные дела. Благодарю вас.

– Давенант, – сказала Роэна, – в воскресенье вы наш гость, не забудьте. Мы будем стрелять. Вы любите стрелять в цель?

Она стояла совсем близко к нему, с слегка раскрытым ртом, и ее брови смеялись.

– Давенант, вы уснули?

– Нет, – ответил Давенант, выходя из блаженной рассеянности. – Я, знаете, люблю думать. Должно быть, я думал.

– Да? Значит, я вгоняю в задумчивость! Замечу это.

Роэна проводила гостей до выхода и выглянула вслед им за дверь, сказав:

– Рыцарь Элли! Оглянитесь! Ау!

Роэна помахала рукой, затем скрылась.

Бледная, белокурая, с усталым счастливым лицом, Мели Скорт сказала Тиррею:

– Вот как живут! У них есть все, решительно все!

– Ну да, – согласился Давенант, удивляясь, как могло бы быть иначе.

Он расстался с Мели на углу, не понимая, что она ему говорит, и тотчас забыв о ней.

Некоторое время Давенанту казалось, что смех Роэны, одеяло Элли и предметы гостиной разбросаны в уличной толпе. Но впечатления улеглись. Он пришел в «Отвращение», где увидел Галерана, сидящего, как всегда, у окна с газетой и кофе. Новый слуга, рыжий, матерый парень, подошел было к нему, но, услыша восклицание Кишлота: «Граф Тиррей!» – догадался, что это его предшественник, о котором повар уже сочинил роскошные басни.

В увлечении творчества повар признал Давенанта незаконнорожденным сыном Футроза. Давенант раскаялся, что зашел сюда. Кишлот не мог или не хотел взять простой тон. Ощупав костюм мальчика, он снял его шляпу и бесцеремонно примерил на себе, отпуская замечания:

– О-го-го! Наверно, тебе не снилось одеться так шикарно! – Затем пошутил: – А ну-ка, подай соус. Хе-хе! Нет, теперь ты сам будешь заказывать!

Смутясь, Давенант быстро подошел к Галерану.

– Еще ничего не известно, – сказал он как можно тише, чтобы не впутался в разговор Кишлот. – Еще не приехал Старкер.

– Слушай, Тиррей, – ответил Галеран, – иди отсюда и будь дома завтра утром. Мы проведем целый день на лодке. Я не играл вчера, не получил денег. Хочешь взять свой золотой?

– О нет, ведь я сказал.

– Хорошо.

Давенант хотел выйти, но рыжий слуга ткнул его слегка в бок, спросив:

– Сколько платил? Материя знаменитая.

– Это не я покупал.

– Как... не ты?

– Верно, не я.

– Может быть, твой камердинер?

– Не болтайте глупостей, Дик, – вступился Галеран, – лучше принесите мне табаку.

Он дал рыжему парню мелочь, а Давенант, крикнув Кишлоту: «До свидания!» – вышел. Уже он повернул за угол, как Дик окликнул его и загородил дорогу.

– Вот я тебя проучу, – сказал Дик, сбрасывая куртку и швыряя ее на тумбу. – Стань-ка как следует.

– Что? Драться? – удивился Давенант, не совсем понимая гнев Дика. Но скоро он понял причину истерики.

– Ты даже не знаешь меня, – сказал он миролюбиво.

– Не разговаривай! Зазнался, дрянь этакая.

Дик засучил рукава, но Давенант вынул из жилетного кармана серебряную монету и, улыбаясь, протянул ее взбешенному врагу.

– Возьми себе, – сказал он, – деньги тебе нужны.

– Что-о-о! – заревел парень. С презрением схватил он монету и потряс ею перед лицом Давенанта. – Этим ты думаешь отделаться?

– Вот еще, – сказал Давенант, протягивая вторую монету.

– Что же? Струсил, что ли?

– Думай как хочешь. Берешь?

– Давай сюда! – Дик вырвал деньги из его пальцев и сунул в карман. – У, сволочь!

Он схватил куртку и побежал покупать табак, а Давенант, задумавшись, направился домой, где его ждал обед. В тот день ничего особенного больше не произошло. Давенант читал, посетил кинематограф и спал хорошо.

В воскресенье, рано утром, пришел Галеран. Они ездили на лодке под парусом до мыса Бай, взяв с собой вина, провизии; разложили костер, варили кофе и несколько раз купались.

Как ни прекрасна была эта прогулка, впечатления волн, ветра и отдаленного берега нарушили, казалось Давенанту, внутреннюю его связь с домом Футроза, уменьшили и затушевали ее. Едва расставшись, при возвращении, с Галераном, он был рад снова очутиться в городе. Уже было четыре часа дня, когда, еще не побывав дома, расхаживая из улицы в улицу, Давенант, втайне ожидая этого, встретился с Роэной и Элли при выходе их из магазина. Он смутился как своего старого костюма, в котором он ездил к мысу Бай, так и от горячо ожидаемой неожиданности. Девушек сопровождала Урания. Давенант хотел незаметно пройти в толпе, за спиной гувернантки, но Рой увидела его и сделала ему рукой знак. Сильно взвол-

новавшись, Давенант подошел, отвесив гувернантке такой почтительный поклон, что она, смягчившись, перестала рассматривать его в упор, как афишу. Сияющие нарядные девушки тотчас атаковали Давенанта. Набравшись смелости, он сообщил им, что всего полчаса как вернулся с прогулки по морю.

– Со мной был Галеран, – прибавил он. – Мы прыгали в воду с отвесной скалы, не очень высоко... Там замечательные гигантские водоросли.

– Вы хорошо плаваете? – спросила Элли. – Я еще не умею.

– У меня хорошие дыхание и сердце, я могу далеко плыть, – сказал Давенант.

– Садитесь, мы вас подвезем, – предложила Рой. – Вам куда?

Давенант очень хотел сесть с ними в экипаж и потому отказался.

Усевшись и наклоняясь из экипажа, Рой сказала:

– Давенант, мы вас ждем!

– Я лучше пройду, – ответил он и поправился: – Я сяду в трамвай.

– Где вы сейчас находитесь? – крикнула, смеясь, Элли.

Не поняв шутки, он сказал:

– Там же, все в той же комнате.

– Сомневаюсь! – заявила Рой.

– Сомневаюсь! – воскликнула Элли.

Даже на лице Урании зазмеилось подобие улыбки. Давенант сконфузился и стал махать шляпой, пока экипаж не скрылся, унося прочь эти подобия альпийских фиалок, похищенные у шумной толпы. То были не совсем те Элли и Рой, какими узнал он их в чудесной желто-красной гостиной. Те же, но не такие. Там они были из того мира, где все неясно и важно.

Взрослый человек всегда найдет, как сократить время и сдержать нетерпение, но, если даже он плохо владеет собой, его представление о времени реально. Не то было с Тирреем. Дождаясь половины восьмого вечера, Давенант переживал утомительное физическое напряжение. Задолго до выхода из дома, надев серый костюм, он сел у окна, рассматривая прохожих. Просидев три минуты, схватил книгу, но читать оказался не в состоянии. Не стерпев могущества часовых стрелок, хладнокровно сопротивляющихся его вздохам, взглядам, покусыванию губ, метаниям из угла в угол, Давенант надел шляпу и отправился на улицу без четверти семь. Вдруг бой городских часов указал, что часы Губермана отстают на пятнадцать минут. «Вот это хорошо», – сказал Давенант вслух, обратив на себя внимание прохожих. Ни в какую сторону, как только к Якорной улице, он идти не мог, но решил идти очень тихо, чтобы явиться в десять минут девятого. Однако расстояние было не так велико, а его нетерпение – огромно, и, как следовало ожидать, Давенант оказался вблизи дома Футроза за полчаса до восьми. Опасаясь явиться первым, он удовольствовался тем, что стал смотреть на дом издали и простоял, не сходя с места, тридцать минут, осведомляясь у каждого прохожего:

– Который час?

– Четыре минуты девятого, – сказал ему наконец словоохотливый человек с розовыми, морщинистыми щеками. – Поставьте ваши часы по моим – это часы фабрики...

Но Давенант был уже довольно далеко. Он мчался по прямой линии к подъезду и попал в кабинет Футроза, куда его провела горничная, мимо полуоткрытой гостиной, где слышались веселые голоса.

– Я велел просить вас к себе, пока вас еще не завертели мои хозяйки, – сказал Футроз, мельком осмотрев Давенанта. – Могу порадовать вас: приехал профессор Старкер. Я скоро увижусь с ним и попрошу его записать вас участником первой же экспедиции. Своевременно я вас извещу.

Затем он расспросил Давенанта о комнате, о Галеране, дружески посоветовал застегивать пиджак на все пуговицы и усадил в огромное кресло-нишу, откуда, как из провала,

видны были книжные шкафы, мраморная фигура Ночи и проникновенно улыбающийся Футроз.

– Я еще не поблагодарил вас, – сказал Давенант. – Иногда мне кажется: я проснусь – и все это исчезнет.

– Ну-ну, – добродушно отозвался Футроз, – будьте спокойнее. Ничего страшного не произошло.

Давенант хотел прямо сказать: «Я никогда не был счастлив так, как все эти дни», – но услышал подлетающие шаги и, не посмев обернуться к двери, забыл, что хотел выразить.

– Давенант здесь? – воскликнула, вбегая, нарядная, красиво причесанная Роэна. – Вот он. Запрятан в кресло.

Давенант вскочил.

– Здравствуйте! – сказала Элли, напоминаящую уменьшенную Роэну, – в коротком платье. – Позволь его увести, Тампико. Он нам нужен.

– Кто у вас?

– Все: Гонзак, Тортон и Тита Альсервей.

– Единственно не хватает вас, – сказала Роэна Давенанту. – Тампико, он человек с понятием. Ему нечего у тебя делать. У нас веселее, правда? Ты тоже явишься, мы очень просим тебя.

– Вы надеетесь, что я приду к вам хихикать?

– Да, мы надеемся, – сказала Элли. – Отец и его две дочери хихикают... Это мы включим в программу.

– Я приду позднее. Давенант, повинуйтесь!

– А-рес-то-вать! – закричала Элли, беря под локоть Давенанта с одной стороны, другим локтем завладела Рой, и они увлекли его в гостиную.

Теснее и ярче, чем днем, показалась теперь Давенанту эта комната, сильно озаренная огнями люстры и пахнувшая духами. Вечерние оттенки несколько изменяли ее вид; присутствие в ней незнакомых Давенанту – Гонзака, Тортон и Титании Альсервей – вызвало в нем ревнивое чувство, делая гостиную Футроза похожей на другие гостиные, которые приходилось иногда видеть ему с улицы в окно. Давенант любил ярко освещенные помещения аптеки, парикмахерские, посудные магазины, где блеск огней в множестве стеклянных и фаянсовых предметов создавал лишь ему понятные праздничные видения.

Роэна познакомила Давенанта с другими гостями. Гонзак – рыжеватый юноша с острым лицом, сероглазый, надменный, не понравился Давенанту, Тортон вызвал в нем оттенок расположения, несмотря на то, что бесцеремонно оглядел новичка и спросил, будто бы не расслышав:

– Да... ве...?

– ...нант, – закончил Тиррей.

Тортон был смугл, черноволос, девятнадцати лет, с начинающими пробиваться усами и вечной улыбкой. Он без околичностей перебивал каждого, если хотел говорить, и смеялся не грудью, а горлом, говоря похоже на смех: «Ха-ха... Ха-ха!»

Титания Альсервей, однолетка Роэны, тонкая, удивленная, с длинной шеей и золотистыми глазами при темных бровях, двигалась с видом такой слабости, что каждое ее движение взывало о помощи.

Давенант чувствовал себя не свободно, стараясь скрыть замешательство. У него не было естественноразвязных манер, лакированных туфель, как на Гонзаке и Тортоне; его костюм, казалось ему, имел надпись: «Подарок Футроза». Должно быть, его лицо сказало что-нибудь об этих смешных и трагических чувствах обласканного человека «с улицы», так как Элли, посмотрев на Давенанта, задумалась и села рядом с ним. Это был знак, что он

равен. Розна разлила чай. Давенант получил чашку вторым, после Титании Альсервей, и начал немного отходить.

Старательно слушая, о чем говорят, он присматривался к гостям. Разговор шел о неизвестных ему людях в тоне веселых воспоминаний. Наконец заговорили об Европе, откуда недавно вернулся со своим отцом Тортон.

При первой паузе Рой сказала:

– Давенант, почему вы так молчаливы?

– Я думал о гостиней, – некстати ответил Давенант, нарочно говоря громче обыкновения, чтобы расшевелить себя, и замечая, что все внимательно его слушают. – Вечером она другая, чем днем.

– Вам нравится эта печь, в которой мы сидим? – снисходительно произнесла Титания.

– Да, как огонь!

– Мы ее тоже любим, – сказала Розна, – у нас страсть к горячим и темным цветам.

– Несомненно, – подтвердил Гонзак.

– Я равнодушен к обстановке, но люблю, когда есть качалка, – сообщил Тортон.

– Нет ничего хуже прямых стульев с жесткими спинками, как, например, у Жанны д'Аршак, – заметила Титания.

– Какая у вас будет гостиная? – спросила Элли Тиррея. – Впоследствии? Минуя времена и сроки?

– Такая же, как и ваша, – смело заявил Давенант.

– Однако вы – патриот! – заметил Гонзак.

– Скажи мне, как ты живешь, и я скажу, кто ты, – изрек Тортон.

– Неужели вы это сами придумали... – спросила Рой, но Тортон перебил ее одним словом:

– Аксиома.

– Малоизвестная, надеюсь, – отозвалась Альсервей.

– Вы хотите сказать, что я не оригинален? Ха-ха! Оригинально то, что так может случиться с каждым оригиналом.

– Тортон, вам – нуль. Садитесь, – сказала Рой.

– Сижу. Молчать?

– О, нет, нет! Говорите еще!

– Как же вас понять?

– Женское непостоянство, – объяснил Гонзак и уронил ложечку.

Все расхохотались, потому что смех бродил в них, ища первого повода. Рассмеялся и Давенант.

– Давенант засмеялся! – воскликнула Элли. – О как чудно!

– Вы под сильной защитой, – сказал Тиррею Гонзак. – Если вы смеетесь один раз в год, то в этом году выбрали удачный момент.

– А почему?

– Именно потому, что вас поощрили.

– Фу-фу! – закричала Элли. – Это не шутка, это перешутка, Гонзак!

– Слушаюсь, пере-Элли!

– Окончилось ваше увлечение балетом? – спросила Рой Титу Альсервей.

– Нет, когда-нибудь я умру в ложе. Мой случай неизлечим.

Давенант откровенно любовался Розной. Она была так мила, что хотелось ее поцеловать. Взглянув влево, он увидел блестящие глаза Элли, смотревшие на него в упор, сдвинув брови.

– Я вас гипнотизировала, – заявила девочка. – Вы – нервный. Ах, вот что: можете вы меня переглядеть?

– Как так – переглядеть?

– Вот так: будем смотреться в глаза, – кто первый не выдержит. Ну!

Давенант принял вызов и воззрился взгляд во взгляд, а Элли, кусая губы и смотря все строже, пыталась победить его усилие. Скоро у Давенанта начали слоиться в глазах мерцающие круги. Прослезившись, он отвернулся и стал вытирать глаза платком. Его самолюбие было задето. Однако он увидел, что Элли тоже вытирает глаза.

– Это оттого, что я смигнула, – оправдывалась Элли. – Никто меня не может переглядеть.

Пока тянулась их комическая дуэль, Рой, Гонзак и Тортон горячо спорили о стихах Титании, которые она только что произнесла слабым голосом умирающей. Розна возмущалась выражением, «И рыб несутся плавники вокруг угасшего лица...»

– Рыбы штопают чулки, пустив бегать плавники, – поддержал Гонзак Розну.

Титания надменно простила его холодным нездешним взглядом, а Тортон так громко сказал: «Ха-ха!» – что Элли подбежала к спорщикам, оставив Давенанта одного, в рассеянности.

Некоторое время, казалось, все забыли о нем. Прислушиваясь к веселым голосам Розны и Элли, Давенант думал – странное для своего возраста: «Они юны, очень юны, им надо веселье, общество. Почему они должны заниматься исключительно мной?» Подняв голову, он увидел картину, изображающую молодую женщину за чтением забавного письма. Давенант прошелся, остановясь против небольшой акварели: безлюдная дорога среди холмов в утреннем озарении. Элли, успев погорячиться около спорящих, подбежала к нему.

– Это – «Дорога Никуда», – пояснила девочка Давенанту. – «Низачем» и «Никуда», «Ни к кому» и «Нипочему».

– Такое ее название? – спросил Давенант.

– Да. Впрочем... Рой, будь добра, вспомни: точно ли название этой картины «Дорога Никуда» или мы сами придумали?

– Да... Тампико придумал, что «Дорога Никуда».

Прекратив разговор, все присоединились к Давенанту.

– До-ро-га ни-ку-да! – громко произнесла Рой, улыбаясь картине и Тиррею и смущая его своим расцветом, который лукаво и нежно еще дремал в Элли.

– Что же это означает? – осведомилась Титания.

– Неизвестно. Фантазия художника... – Рой рассмеялась. – Давенант!

– Что? – спросил он, добросовестно стараясь понять восклицание.

– Ничего. – Она повторила: – Итак, это – «Дорога Никуда».

– Непонятно, – сказал Тортон.

– Было ли бы понятнее, – процедил Гонзак, – понятнее: «Дорога Туда»?

– Куда – туда? – удивилась Титания.

– В том-то и дело, – заметил Тортон.

– Дорога – куда? – воскликнула Элли. – О, дорога! Куда?!

– Вот мы и составили, – сказал Гонзак. – Дорога никуда. Куда? Туда. Куда – туда?

– Сюда, – закончил Давенант.

Снова молодых людей одолел смех. Все хохотали беспричинно и заразительно.

Изображение неизвестной дороги среди холмов притягивало, как колодец. Давенант еще раз внимательно посмотрел на нее. В этот момент явился Футроз.

– Вот и Тампико! – воскликнула Элли, бросаясь к нему. – Ми-лый Тампико, нам весело! Мы ничего не разбили! Просто смешно!

– Что вас так насмешило? – спросил Футроз.

– Ничего, но мы стали произносить разные слова... Вышло ужасно глупо. – Рой вздохнула и, пересилив смех, указала на картину: – Дорога никуда.

Она объяснила отцу, как это вышло: «туда, сюда, никуда». Но уже не было смешно, так как все устали смеяться.

– Я купил ее на аукционе, – сказал Футроз. – Эта картина напомнила мне одну таинственную историю.

– Какая история? Мы ее знаем? – закричали девушки.

– По-видимому – нет.

– А почему не рассказал, Тампико? – спросила Элли.

– Почему? В самом деле – почему?

– Ну, мы этого не можем знать, – заявила Роэна.

– Я люблю истории о вещах, – сказал Гонзак. – С нетерпением ожидаю начала.

– Разве я обещал?

– Извините, мне показалось...

– Крепкие ли у всех вас нервы? – спросил Футроз, делая загадочное лицо.

– За себя я ручаюсь, – сказала Титания, усаживаясь в стороне, спиной к окнам.

– И я ручаюсь – за тебя! – Рой села рядом с отцом. – Но не за себя.

Элли полулегла на диван. Давенант, Тортон и Гонзак поместились на креслах. Тогда Футроз сказал:

– Бушевал ветер. Он потрясал стены хижин и опрокидывал вековые деревья...

– Так было на самом деле? – строптиво перебила Элли.

– Увы! Было.

– Смотри, Тампико, не подведи.

– Начало очень недурно, – заметил Гонзак, – особенно «стены хижин».

Футроз молчал.

– А дальше? – спросил Давенант, который был счастлив как никогда.

– Все ли успокоились? – хладнокровно осведомился Футроз.

Но бес дергал за языки.

– Папа, – сказала Рой, – расскажи так, чтобы я начала таять и умирать!

Футроз молчал.

– Ну, что же, скоро ли ты начнешь? – жалобно вскричала Элли.

– Все ли молчат? – невозмутимо осведомился Футроз.

– Все! – вскричали шесть голосов.

– Ветер выл, как стая гиен. В придорожную гостиницу пришел человек с мешком, с бородой, в грязной одежде и заказал ужин. Кроме него, других посетителей не было в тот странный вечер. Хозяин гостиницы скучал, а потому сел к столу и заговорил с прохожим человеком – куда направляется, где был и кто он такой? Незнакомец сказал, что его зовут Сайлас Гент, он каменотес, идет в Зурбаган искать работу. Хозяин заметил одну особенность: глаза Сайласа Гента не отражали пламя свечи. Зрачки были черны и блестящи, как у всех нас, но не было в них той трепетной желтой точки, какая является, если против лица сияет огонь...

Рой заглянула в глаза отца.

– Даже две точки, – сказала она. – А у меня?

Элли подошла к ней и освидетельствовала зрачки сестры; та проделала это же самое с девочкой, и они успокоились.

– Нормально! – заявила Элли, возвращаясь на свое место. – Мы отражаем огонь. Дальше!

– Из сделанного хозяином наблюдения, – продолжал Футроз, – вы видите, что хозяин был человек мечтательный и пытливый. Он ничего не сказал Генту, только надел очки и с замешательством, даже со страхом, установил, что зрачки Гента лишены отражения – в них не отражались ни комната, ни хозяин, ни огонь.

– Как это хорошо! – сказал Давенант.

– Вот уж! – пренебрежительно отозвалась Титания. – Две черные пуговицы!

– Но пуговицы отражают огонь, – возразила Роэна. – Не мешайте Тампико!

– Теперь меня трудно сбить, – заявил Футроз, – но будет лучше, если все вы воздержитесь от замечаний. Сайлас Гент начал спрашивать о дороге. Хозяин объяснил, что есть две дороги: одна прямая, короткая, но глухая, вторая вдвое длиннее, но шоссейная и заселенная. «У меня нет кареты, – сказал Гент, – и я пойду короткой дорогой». Хозяину было все равно; он, пожелав гостю спокойной ночи, отвел его в комнату для ночлега, а сам отправился к жене, рассказать, какие бывают странные глаза у простого каменотеса.

Едва рассвело, Сайлас Гент спустился в буфет, выпил стакан водки и, направив свои редкостные зрачки на хозяина, заявил, что уходит. Между тем ураган стих, небо сияло, пели птицы, и всякая дорога в такое утро была прекрасной.

Сайлас Гент повесил свой мешок за спину, подошел к дверям, но остановился, снова подошел к хозяину и сказал: «Послушайте, Пиггинс, у меня есть предчувствие, о котором не хочу много распространяться. Итак, если вы не получите от меня на пятый день письма, прошу вас осмотреть дорогу. Может быть, я на ней буду вас ожидать».

Хозяин так оторопел, что не мог ни понять, ни высмеять Гента, а тем временем тот вышел и скрылся. Весь день слова странного каменщика не выходили из головы трактирщика. Он думал о них, когда ложился спать и на следующее утро, а проснувшись, признался жене, что Сайлас Гент задал ему задачу, которая торчит в его мозгу, как гребень в волосах. Особенно поразила его фраза: «Может быть, я буду вас ожидать».

Его жене некогда было углубляться в человеческие причуды, она резко заявила, что, верно, он напился с каменщиком, поэтому оба плохо понимали, что говорят. Рассердясь, в свою очередь, и желая отделаться от наваждения, трактирщик сел на лошадь и поскакал по той дороге, куда пошел Гент, чтобы не думать больше об этом чуде, а если с ним что-нибудь приключилось, то, в крайнем случае, помочь ему.

Он въехал в лес, усеянный камнями и рытвинами, а после часа езды увидел, что Гент висит на дереве...

Тортон незаметно протянул руку к стене и погасил электричество.

Все вскочили. Девушки вскрикнули, а хладнокровная Титания, голося пуще других, требовала прекратить глупые шутки.

Сказав: «То-то! Ха-ха!» – Тортон пустил свет.

У всех были большие глаза. Рой держала руку на сердце.

– Это Тортон, – предал его Гонзак.

– Разве так можно делать! – строго вскричала Элли. – Все равно, что налить вам за воротник холодной воды!

– Я не буду, – сказал Тортон.

– Давенант, присматривайте за вашим соседом, – попросила Рой. – Впрочем, пересядьте, Тортон. Куда?! Туда, никуда, вот сюда.

Тортон повиновался.

Футроз не торопился. Ему было хорошо дома, он следил за переполохом с добродушием птицевода, наблюдающего скачки малиновок и щеглов.

– Ну, – сказал он, – можно кончать? Но мне осталось немного... Сайлас Гент висел на шелковом женском шарфе, вышитом золотым узором. Под ним на плоском камне были аккуратно разложены инструменты его ремесла, как будто перед смертью он или кто другой нашел силу для жуткой мистификации. Среди этих предметов была бумажка, исписанная самоубийцей. И вот, обратите внимание, как странно он написал: «Пусть каждый, кто вздумает ехать или идти по этой дороге, помнит о Генте. На дороге многое случается и будет случаться. Остерегитесь».

Почему погиб Гент, осталось навсегда тайной. Но с тех пор кто бы, презрев предупреждение, ни отправился по той дороге, он неизменно исчезал, пропадал без вести. Было три случая – с кем именно, я не помню, но третий случай стоит упомянуть особо: по этой дороге бросилась бежать лошадь, разорвав повод, которым была привязана, и, несмотря на все усилия, ее не нашли.

– Тампико, ты густо, густо присочинил! – сказала Элли, когда слушатели зашевелились. – Те, кто искал лошадь, должны были идти на загадочную дорогу, и если вернулись, то... сделай вывод!

– Я не оправдываюсь, – ответил Футроз. – Все запутанные дела несколько нелепы в конце. Увидев картину, я вспомнил Гента и купил ее.

– Что же все это значило? – спросил Давенант. – В особенности – глаза, не отражающие ничего... А он не был слеп! У одного охотника глаза были совсем крошечные, как горошины, между тем он мог читать газету через большую комнату и отлично стрелял.

– Ах, вот что! – сказала Рой. – Мы будем стрелять в цель. Прошлый раз Гонзак осрамился. Гонзак, мы дадим вам реванш. Элли тоже хочет учиться. Давенант, вы должны хорошо попадать, – у вас такие твердые глаза.

Стрельба издавна привлекала Давенанта как упражнение, требующее соревновательной точности. Такого рода забавы свойственны всем пылким натурам. Однако до сих пор ему пришлось стрелять только два раза, и то в платном тире, соображаясь со своими скудными средствами.

– Я присоединяюсь, – сказал Футроз. – Нас семеро, хотя Элли не в счет, так как она все еще зажмурируется...

– Какая низость! – вскричала Элли.

– Ну конечно. Составим список и назначим приз, – не два, не три приза, а один, чтобы не было жалких утешений. Приз должен исходить от дам. Так значится во всех книгах о турнирах и других состязаниях.

– Так как приз получу я, – заявил Тортон, – не разрешат ли мне самому придумать награду? Ха-ха!

– Нет, это слишком! – возмутилась Титания. – Я стреляю не хуже вас и, вот назло, заберу приз.

Взаимно попеняв, остановились на следующем: если победит дама, она вправе требовать что хочет от самого плохого стрелка-мужчины, если произойдет наоборот, победителю вручается приз от Титании и Роэны, который они должны приготовить тайно и дер жать в секрете.

Футроз взял лист бумаги и написал:

Состязание хвастунишек

– Номер первый. Кто же первый?

– Разрешите мне быть последним, – обратился к нему Давенант, волнуясь и страстно желая получить приз.

– Последний хочет быть первым, – догадалась Титания.

– О Давенант, выступайте первым! – предложила Рой.

Но он не соглашался, как ни хотелось ему сделать все, что попросит Рой, Элли или Футроз. Он хотел выиграть, а потому – твердо зная, какие придется ему осилить успехи других участников.

– Становится любопытно, – заметил Гонзак. – Некоторые из нас довольно ретивы. Что касается меня – выйду под каким мне назначат номером.

Наконец список составил. Титания значилась первым, Рой – вторым, Тортон – третьим, Гонзак – четвертым и Давенант – пятым номером. Ранее прочих решили дать Элли выстрелить три раза, так как она очень просила.

Роэна с Титанией ушли в другую комнату обсудить приз и вернулись с простосердечными лицами, положив на стол нечто завернутое в газету, маленькое и тяжелое. Затем они посмотрели друг на друга и важно приспустили взгляды.

– Какое-нибудь ехидство? – спросил Футроз, намереваясь пощупать сверток.

Но поднялся крик:

– Тампико, это нечестно!

Футроз позвонил и приказал слуге принести мишень, а также малокалиберную винтовку, пуля которой была не толще карандаша записной книжки. Мишень поместили на террасе, раскрыв стеклянную дверь гостиной. Стрелять следовало, став у внутренней двери, шагах в двадцати от мишени. Это был квадратный картон на верху треножной подставки; концентрические круги картона имели цифры от центра к окружности: 500, 250, 125 и т. д., а центр – черный кружок диаметром в один дюйм – означал тысячу.

– Ну, Элли, – сказал Футроз, заряжая винтовку, – иди сюда. Стань вот так.

– О папа, я отлично все знаю. – Элли, сжав губы, нахмурясь и приложив к плечу ружьецо, отставила широко ногу вперед, но от внезапного страха забыла все уроки, как берется прицел, и, нажимая пальцем мимо курка, стала жмуриться. Дуло ружья поднялось вверх, качнулось, и, крепко зажмурясь, стараясь не слышать визга убежавших за ее спину зрителей, Элли нашла курок и пальнула в золоченый карниз.

Настало глубокое, унижительное молчание.

– Что? Я попала? – сказала Элли, затем, вся красная, со слезами в глазах, осторожно положила винтовочку на ковер и ушла к дивану, где села, схватила отца за плечо и, спрятав лицо на его груди, расхохоталась.

– Хочешь еще попробовать? – спросил Футроз. – Но только с моими советами?

– Благодарю. Попробуйте кто-нибудь так, как я.

– Действительно! – сказала Рой.

– Ах, ах! Ты еще хуже меня!

– Номер первый! – провозгласил Гонзак. – Титания Альсервей!

Титания стала на место (каждый должен был сделать семь выстрелов), снисходительно осмотрелась и с видом делающей грациозное одолжение, лениво заряжая и паля, отщелкала свою порцию, почти не целясь. Слышен был только скользящий металлический звук затвора и негромкие хлопки выстрелов. Она передала оружие Роэне, и все отправились смотреть мишень.

Две дырки были на 250, одна на 125 и четыре разного значения, но мельче цифрой; по подсчету всего – семьсот пятьдесят очков. Эти отверстия перечеркнули красным карандашом.

– Это я старалась для Тортон, – объявила Титания. – Теперь я посмотрю, так ли он уверен в себе, как говорил.

– А все же – ха-ха! – вы не отстукали тысячу! – заметил Тортон.

– Хорошо, хорошо, посмотрим!

Настала очередь Рой. Давенант понял, что она волнуется и старается. Он мысленно помогал ей, напрягаясь перед спуском курка, задерживая дыхание и шепча: «Точнее, точнее».

– Не смотрите на меня, – сказала Рой. – И не смешите.

Это относилось к Гонзаку, который послушно отвернулся. Роэна целилась долго, но в момент выстрела дуло слегка трепетало. Каждый раз, начав прицеливаться, она мягко отво-

дила рукой волосы со лба и, выставив вперед подбородок, пристраивалась щекой к ложу особым, ей лишь свойственным, интимным движением.

Подсчет очков произвел Давенант, считая явно пристрастно, так как одно отверстие на линии 250–125 объявил за 250, чем удивил и насмешил девушку.

– Вы очень добры, Давенант, – сказала она, – только мне это не нужно. Скиньте-ка сто двадцать пять.

Оказалось, после придирчивой проверки Элли и Тортон, что Рой настреляла пятьсот пятьдесят.

– О, неплохо! – сказал Футроз. – Тем более что в прошлый раз бедняга успокоилась на ста пятидесяти.

– То-то! – вскричала Рой, кружась и помахивая ружьем. – Кому страдать? Тортон, вам.

– «При всеобщем глубоком молчании, – сказал Гонзак, – атласский стрелок вогнал пулями гвоздь на расстоянии пятисот метров».

– Хорошо смеется последний, – ответил Тортон.

Он взял ружье в левую руку и, вскинув его, как пистолет, то есть не прикладывая к плечу, выстрелил с вытянутой руки.

– На круге с цифрой 500, – заявил он, всмотревшись, затем выстрелил с правой руки.

– Только две руки, – пытался пошутить Гонзак, которому стало завидно.

– Нам хватит. Ха-ха!

Беря поочередно ружье правой и левой рукой, Тортон швырнул свои пульки в мишень и раскланялся на все стороны, как актер у рампы.

– Какова наглость! – сказала Титания.

– Вы, Титания, должны перечеркнуть мои попадания, – строго заявил Тортон, – так как высмеивали меня, пока я наблюдал ваши горделивые упражнения.

Закусив губу, Титания взяла карандаш и пошла к мишени.

Тортон выбил девятьсот двадцать очков, не попав в центр, и все ахнули; но обнаружился заговор.

– Это случайно, – сказала Рой, с состраданием смотря на опешившего стрелка, – это не более, как счастливая случайность.

– Понятно, случайность, – поддержал Гонзак.

– Дикий, нелепый случай! – вернула Тита Альсервей.

Футроз смеялся.

– Папа, отчего ты смеешься? – спросила Элли, втянув щеки и рассматривая Тортон унылыми большими глазами. – Тортон ошибся. Он не хотел попасть. Правда ведь, вы не хотели этого?

– А ну вас! – яростно вскричал Тортон. – Девятьсот двадцать. Чего же еще?

– Но не полторы тысячи, – заметила Титания.

– Тортон, не огорчайтесь, – утешила его Рой, – в следующий раз вы попадете по-настоящему, добровольно.

– О мелкие, завистливые душонки! – взревел Тортон.

Его подразнили еще и оставили в покое.

– Факт тот, что я получу приз, – объявил он и уселся с торжеством на диване.

Следующим выступил Гонзак. Он стрелял, сардонически улыбаясь, скверно попадал и был так пристрастен к себе, что его триста очков пришлось пересчитывать несколько раз. Вдобавок он уверял, что ему подсунили патроны с наполовину отсыпанным порохом.

– Давенант, вам, – сказал Футроз. – Боюсь, что после Тортон вы в безнадежном положении, как и я.

Давенант увидел черные глаза Рой, стесненно взглянувшей на его замкнутое лицо.

– Давенант! Пожалуйста, Давенант! – закричала Элли.

– Что вы хотите? – спросил он, улыбаясь в тумане, где блестели направленные на него глаза всех.

– О Давенант! Я хочу... – Элли зажала рукой рот, а другой рукой тронула завернутое в газету. – Будьте только спокойны!

– Будьте, будьте спокойны! – крикнули остальные.

– Я не знал, что судьи пристрастны! – сказал Тортон.

– Судьи как судьи, – заметил Гонзак. – А еще говорят, что женщины должны занимать судейские должности.

– Тише! – сказала Рой.

Став на место, Давенант так взволновался, что у него начали трястись руки. «Неужели я хочу быть первым?» – подумал он, сам удивляясь, как страстно стремится получить таинственный приз. Он видел, что его напряжение передалось всем. Пылким волнением своим он невольно заставлял ожидать странных вещей и должен был оправдать ожидание. Он испугался, замер и начал прицеливаться. Едва он начал брать прицел и увидел за острием мушки черные круги, напоминающие поперечный разрез луковицы, как испуг исчез, а мишень начала приближаться, пока не очутилась как бы на самом конце дула, которое упиралось в нее. Он подвел мушку к нижней черте центральной точки и увидел, что ошибется. Свойства ружья были в его душе. Он видел мушку и цель так отчетливо, как если бы они были соединены с его пальцами. Почувствовав, что ошибся, Давенант увел мушку к левой черте центральной точки и снова ошибся, так как теперь пулька должна была пробить круг с цифрой 500. Он не знал, почему знает, но это было именно так, не иначе. Тогда, заведя мушку на правый край точки, немного ниже ее центра, а не в уровень с ним, и не чувствуя более сомнений в руке, палец которой прижимал спуск, Давенант, сам внутренне полетев в цель, спустил курок и увидел, что попал в центр, так как на нем блеснуло отверстие. Ничего не видя, как только отверстие, охваченный холодным, как сверкающий лед, восторгом и в совершенной уверенности, делающейся мучительной, как при чуде, Давенант выпустил остальные пули одна за другой, ловя лишь то сечение момента, в котором слышалось «так», и, ничего не сознавая, пошел к мишени, дыша, как после схватки, с внезапным сердцебиением.

– Ура! – вскричала Рой, первая подбежав к мишени, и, оборотясь к Давенанту, схватила его за плечи, толкая смотреть. – Видите, что вы наделали?

– Что там? – крикнул заинтересованный Футроз.

– Он попал в тысячу! – воскликнула Элли.

– Все в центре, – сказала Титания тоном вежливого негодования.

Футроз встал и пошел смотреть. Давенант, молча улыбаясь, оглядывался, наконец подошел и остановился против мишени. Это был действительно подвиг со стороны начинающего стрелка. Два отверстия даже слились краями, образовав подобие гитары, третье было чуть ниже и четыре прочих у самого края центрального кружка с внутренней его стороны.

Это полное и неожиданное торжество Давенанта собрало всех возле него. Элли трясла его руку. Рой взяла от него ружье и поставила к стене, Гонзак, часто мигая, смотрел на победителя в упор, а Тортон, подавив зависть, спросил:

– Как это могло быть? Стало быть, вы рекордс мен?

– Ничего подобного, – ответил Давенант, которого общее волнение привело в замешательство. – Я вам расскажу. Я стрелял всего несколько раз в жизни, не лучше, чем Рой...

– Благодарю вас, – сказала девушка, насмешливо приседая.

– О, я не хотел... – встревожился Давенант, но, получив успокоительный знак, продолжал: – Стрелял скверно, а сегодня на меня что-то нашло. Я сам не понимаю, поверьте, я удивлен не менее вас.

– Я знаю это чувство, Давенант, – сказал Футроз. – Голова горит и под ложечкой истерический холодок?

– Пожалуй.

– А вы очень хотели? – серьезно спросила Роэна, приказывая взглядом ответить так же серьезно.

– Да, очень, – сознался Давенант и вспыхнул. – Однако все хотели этого.

– Вы правы. Получайте ваш приз. Кто угадает, что здесь такое?

Говоря так, она взяла сверток и, видя, что Гонзак нагнулся, дала ему понюхать.

– Духи? – сказал он.

– Что-о-о?!

– Часы с надписью? – сказал Тортон.

– Рой, покажи им! – вскричала Элли.

– Разумеется, не надо мучить Давенанта, – заметил Футроз.

Тиррей получил сверток и застенчиво развернул его. Там оказался маленький серебряный олень на подставке из дымчатого хрусталя. Олень стоял, должно быть, в глухом лесу; подняв голову, вытянув шею, он прислушивался или звал – нельзя было уразуметь, но его рога почти касались спины. Оленя девушки нашли среди вещей, оставшихся после матери.

– Серьезный приз, – сказал Футроз, о чем-то задумываясь.

– О, я не ожидал, что это так хорошо! – наивно восторгался Тиррей.

– Теперь вы владеете оленем, – сказала Элли, видя удовольствие, с каким Давенант принял хорошенькую безделушку.

Почти вслед за вручением приза Титания уехала домой, сопровождаемая Гонзаком и Тортоном. Давенанту не хотелось выходить с ними, и он задержался, однако, узнав, что уже двенадцатый час, тоже наконец встал. Если бы было можно, он просидел бы до утра.

– Вот что, – сказала Рой, – хотите выйти таинственно? Так будет хорошо после всего. И это к вам идет. У нас есть в саду Сезам, а ключ от Сезама папа носит с собой.

– Да, – сказал Футроз, сдерживая зевоту, – ключ этот сделан из меча Ричарда Львиное Сердце, закален в крови дракона и отпирает дверь только при слове: «Аргазантур».

– Ну-ка, давай нам «Аргазантур»! – Элли протянула руку: – Тампико, дай!

– Может быть, Давенант предпочитает ту дверь, которой вошел?

– Не отвечайте ему, – приказала Рой, – папа вас собьет. Ключ взяла, Элли?

Горничная принесла шляпу Тиррея. Он простился с Футрозом и вышел через террасу в сад.

Девушки шли рядом с ним, шая и смеясь. Лиц их он не различал. Очаровательный темный путь в старом саду был полон таинственно-чистого волнения. Давенант шел совершенно счастливый; было бы ему еще лучше, если б он остался сидеть здесь, когда все уснут, под деревом, до утра.

Они свернули, прошли среди кустов к стене, где была высокая ниша, запертая железной калиткой. Из-за нее, с переулка, слышались езда и шаги.

Рой стала отпирать, но не смогла и уронила ключ в траву. По звуку падения ключа Давенант немедленно отыскал его, накрыв ключ рукой.

Едва он вскричал: «Нашел!» – как две остывшие от росы девичьи руки ткнулись об его руку и сжали ее.

– Я нашла, но вы первый схватили. – Рой попыталась отодвинуть его пальцы, вместо них ей попала рука Элли. – О, – сказала она, – где же ваша рука?

– Она тут.

– Вот она, под моей! – Элли сильно придавила руку Тиррея. – Я уже коснулась ключа. Рой, честное слово, а он схитрил!

Три руки лежали в сырой траве, взаимно грея друг друга, наконец, ключ каким-то путем оказался у Рой, и она с торжеством вскочила.

– Позвольте, я открою! – предложил Давенант.

– Ну, открывайте. «Аргазантур»! – раз!

– «Аргазантур»! – два! – пискнула Элли.

– И «Аргазантур»! – три! – сказал Давенант, одолевая тугой замок.

Он оттянул железную дверь и вышел, но, обернувшись, остановился.

– Идите, идите! – закричали девушки и, прикрыв калитку, договорили в щель: – Спокойной ночи!

– Спокойной ночи! – ответил Давенант.

Замок щелкнул.

«Теперь они поспешно бегут назад», – подумал Тиррей и по дороге из лучей и цветов пошел домой.

Глава V

Как всегда, Давенанту открыла дверь старуха Губерман, стремившаяся подсмотреть, не целует ли жилец у порога какую-нибудь девицу. На этот раз другое было в ее уме, а Тиррея ожидало событие настолько скверное, что, зная он о нем, он предпочел бы вовсе не являться домой.

В серых глазах Губерман таилось нестерпимое любопытство, жажда нюхать, грызть чужую жизнь. Глубокомысленно и лицемерно вздохнула она, открыв дверь. Схватив жесткой лапой плечо Давенанта, старуха стала шептать:

– Бедный мальчик! Мужайтесь! Бог послал вам радость! Он пришел, ждет вас уже два часа в вашей комнате. Он такой жалкий, несчастный. Соберитесь с силами.

– Кто ждет? – тревожно сказал Давенант, бессмысленно подумав о Галеране и отстраняясь, так как старуха дышала странными словами своими прямо ему в лицо. – Скажите, кто пришел? Разве пришел?

– Боже, помоги ему! Ваш отец!

– Не может быть!

– Ах, не волнуйтесь так! Провидение ведет нас. Ступайте, ступайте к отцу!

Давенант бросился вперед и открыл дверь.

У стола сидел оборванный седой человек с тяжелым, едким лицом, подвыпивший и сгорбленный. Встав, он патетически протянул руки.

Губерман медленно закрывала дверь, не в силах отойти от нее.

– Сын?! – сказал неизвестный.

Давенант отшатнулся. Он узнал исполнителя тюремных песен в ресторане на Лунном бульваре. Слово «сын» убило его. Чувствуя внимание сзади себя, Давенант повернулся к двери, где красный, слезящийся нос Губерман таился в тени.

– Прочь! – сказал он. Дверь дернулась и захлопнулась.

– Какой сын? – спросил Давенант. – Кто вы?

– Значительный момент! – ответил оборванец. – Мой сын – ты, Тиррей Давенант. Я – твой отец.

– Я думал, вы умерли, – произнес Давенант, теряясь и дрожа, как в ожидании приговора. – А впрочем, чем вы это докажете?

– Неприятно? Да? – сказал Франк.

– Я не знаю. Что я могу сделать?

Франк пожал плечами.

– Я тоже ничего не могу сделать, – заявил он. – Значит, встреча не вышла. Я должен был явиться в автомобиле. Самое неблагодарное дело – это представлять себе встречу после многих лет. Чего ты дрожишь?

– Я хочу доказательств, – с отчаянием сказал Тиррей, хотя инстинкт родства и воспоминания о портретах отца установили горькую истину, которой противился он всем существом. Перед ним стоял не мечтатель, попавший в иной мир под трель волшебного барабана, а грязный пройдоха.

– Вы пели в саду, как нищий, – сказал Тиррей. – А теперь пришли.

– Ах, вот что? Так ты меня видел, но не узнал? Будь ты проклят! – зашипел Франк, теряя охоту разыгрывать нравственное волнение. – Я привык обедать, понимаешь? Одним словом, мы познакомились. Когда-то ты был пятилетним. Те твои черты проглядывают даже теперь. Забавно! Ты куда? Мы еще только начали говорить.

– Мне нужно, – сказал Тиррей, сам не зная, зачем стремится выйти. – Я скоро вернусь.

– В таком случае принеси мне бутылку вина. Деньги есть? Мне кажется, что ты вырос бесчувственным. Так вот, смотри и смирись: я твой отец.

Тиррей тупо взглянул на него и вышел без шляпы в коридор, где, забыв направление, приблизился к раскрытым дверям гостиной. Там, за столом, сидел Губерман с женой. Раскрыв рты, были оба они – слух и внимание. Заметив жильца, Губерманы дернулись встать, но удержались, воззрясь на Тиррея так пристально, как если б он шел по канату. Отрицательно качнув головой в знак, что ошибся, Давенант отыскал выходную дверь и очутился на улице.

Ему некуда было уйти, нечего было делать среди громкого разговора прохожих. Он тоскливо открыл дверь, желая вернуться, но вспомнил о вине и перешел улицу; затем некоторое время стоял в магазине среди суеты покупателей, тягостно отвлекавшей его от созерцания боли, ударившей так бесчеловечно. Впечатление вечера у Футроза еще билось, как нервный тик, в его душе, но те чувства уже исчезли; возвращение отца сыграло роль предательского удара, после которого столкнутый в воду стремится не к радостям береговой прогулки, но только к спасению.

Тиррей вернулся, стараясь ободриться и твердя: «Все-таки ведь он мой отец!» Но значение этих слов только еще больше угнетало его. Отчасти выручило Тиррея естественное любопытство – печальное любопытство узника, больное сознание которого после звука ключа в дверях камеры, устанавливающего погребение заживо, начинает постепенно интересоваться устройством камеры и видом из окна сквозь решетку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.